

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
СУБЪЕКТ

ПРИКЛАДНАЯ
ФИЛОСОФИЯ

Том I

Сергей Дегтярев

Сергей Дегтярев
Экономический субъект. Том
I. Прикладная философия

<https://litres.ru/73945691>

SelfPub; 2026

Аннотация

Предлагаемое сочинение представляет собой радикальную ревизию оснований экономической теории, выполненную в рамках «гуманитарного метода». Автор отвергает мейнстримную экономическую науку (теорию рационального выбора, маржинализм, модель Homo economicus) как неспособную объяснить реальное экономическое поведение.

Работа вводит принципиально новый понятийный аппарат и формулирует Основную экономическую задачу как создание запасов, достаточных для культурного удовлетворения потребностей.

Раскрывается оригинальная периодизация хозяйственной истории человечества: соборность, наряд, поощрение (слава) .

Книга снабжена строгими доказательствами ключевых теорем (об экономической войне, о максимуме эффективности, об управлении запасами) и подробным словарем терминов. Это интеллектуальное приключение для подготовленного читателя,

готового мыслить самостоятельно, с карандашом в руках, пересматривая, а не усваивая готовые истины.

Содержание

Введение. Две стратегии, или почему ваша бабушка умнее экономистов	5
О теории рационального выбора	12
О теории потребительского поведения	15
О маржинализме	18
О модели экономического человека	21
О том, почему так вышло	24
О том, почему эти господа с кафедр обречены на непонимание.	27
Часть I. Как устроена экономика на самом деле	48
Глава 1. От животного к человеку:	48
происхождение экономического субъекта	
Осознание риска рождает культурное ограничение	57
Почему это ограничение — культурное, а не биологическое	66
Животные тоже делают «запасы»	82
Глава 2. Основная экономическая задача	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Сергей Дегтярев

Экономический субъект. Том I.

Прикладная философия

Введение. Две стратегии, или почему ваша бабушка умнее экономистов

Обратитесь к любому из тех, кого принято именовать экономистами. В самом деле. Пусть это будет прославленный гарвардский профессор, чьё имя гремит; или выпускник высшей школы экономики, полагающий свою красный диплом за пропуск в святилище истины; или даже тот господин с экрана, который столь уверенно растолковывает падение курса рубля, словно читает собственную эпитафию.

Задайте им один вопрос. А именно: что предпочтительнее для человека с приличествующей рассудительностью копить деньги и прибегать к покупкам единственно по необходимости, или же, напротив, регулярно обходить торговые заведения, делая запасы как некое подобие развлечения?

И вы тотчас станете свидетелем забавнейшего зрелища. Ибо они впадут в состояние, подобное столбняку. Их пресловутые теории — эти паутины абстракций — окажутся бессильны пред лицом столь прозаического вопроса. Им останется лишь пунцоветь, заикаясь, и с важным видом лепетать нечто об «издержках поиска», об «ограниченной рациональности» и, наконец, о злополучном «омертвленном капитале» — как если бы сами эти слова могли заменить ответ.

Но мы — не они. Мы ответим.

Стратегия первая. О скаредном накоплении.

Итак, вы трудитесь. Получаете скудное вознаграждение за дни, потраченные на службу чуждой вам цели. И откладываете эти крохи на карте — этот плоской и бездуховной замене старого доброго мешка с монетами.

Едва возникает потребность, вы, словно послушный пес на зов хозяина, направляетесь в торговое заведение. Покупаете. И вот, ваши сбережения, эти бледные призраки будущего наслаждения, с шумом низвергаются в товар, а товар пожирается, дабы породить новый голод. Деньги иссякают — и вы вновь впрягаетесь в ярмо работы.

В мире, который кажется «стабильным», эта жалкая стратегия еще сносно выполняет свою роль. Почему? О, причина проста: время поиска в этом случае равно нулю. Вы знаете, что уже вошло в привычку, где продается молоко. Вы знаете, где лежит хлеб. Вы входите в магазин, берете с полки, платите — и возвращаетесь в свое болото.

Ибо $T_{\text{поиска}} = 0$.

Формула вашей мнимой эффективности столь же примитивна, сколь и само ваше существование:

$E = T_{\text{потребления}} / T_{\text{работы}}$.

Пока внешний мир сохраняет обманчивую неподвижность — вы еще существуете.

Но мир не стабилен. Никогда. Ибо мир — это вечное становление, процветание, упадок и если повезет не выродится, то новое становление, то есть вечная мука перемен. Грядет кризис. Или поветрие болезней. Или, что еще более нелепо, те уродливые выдумки, что именуются «санкциями». Или, наконец, просто каприз директора магазина, который вдруг решил, что гречневая крупа более не будет завозиться — решение, ничуть не более глупое, чем любое другое в этом мире.

Что же происходит?

Вы, по привычке, входите в магазин. Полка — пуста. Вы бредете в другой. Там та же гробовая пустота. В третий. В десятый. Поиск, этот проклятый спутник разумного существа, начался. $T_{\text{поиска}} > 0$.

Время, необходимое для создания запаса — то есть для того, чтобы просто дожить до завтра, — теперь выражается формулой:

$T_{\text{работы}} + T_{\text{поиска}}$.

Ваша эффективность падает с той же неизбежностью, с какой падает камень. Вы растрчиваете нервы, этот ограни-

ченный капитал живого существа, тратите бензин, время — единственное, чего вам не вернуть. Ваш домашний бюджет, эта хрупкая раковина, дает трещины.

И главное — вы бессильны. Вы не можете ничего изменить. Ибо ваша стратегия, подобно паразиту, присасывается к иллюзии внешней стабильности. А Мир слегка повел плечом — и вы летите вниз, как гусеница, сорванная с листа порывом ветра. Ибо таков удел всех, кто не мыслит, а лишь приспособливается.

Стратегия вторая. О досуге, переходящем в запасание.

Теперь обратите свой взор на иную семью — быть может, столь же невежественную, но одаренную тем счастливым инстинктом, который заменяет отсутствие ума.

Они не копят деньги. Впрочем, нет — они тоже копят, но это обстоятельство не составляет сути их бытия. Суть же вот в чем: в их жилище всегда царит изобилие. Не тот блеск, что тешит тщеславие, но тот грубый запас, что спасает от внезапной нужды.

Как достигается это недостойное, но практичное состояние? А вот как.

Раз в неделю, а то и чаще, они — без всякой видимой цели, «просто так» — волочат свои тела по магазинам. Или по рынку, где воздух пропитан запахом толпы и лжи.

У них нет цели. Они не ищут ничего определенного. Молоко? Ну и пусть — дома ведь есть. Хлеб? Тоже имеется.

Они бредут, глазают, развлекают свою скуку. Им, видите ли, интересно.

И вдруг — о, чудо, достойное пера комедиографа! — скидка. Или акция. Или просто лежит на прилавке нечто давно не виданное, да к тому же по сносной цене.

Они берут. Не потому, что нуждаются в этом сейчас. Но потому, что — слышите эту пустую формулу? — «пригодится».

Дома этот трофей отправляется в запас. В кладовку. На полку. В морозилку — эту ледяную гробницу будущих трапез.

И так — постоянно. Изо дня в день. Из недели в неделю.

Что же происходит, когда наконец грядет тот кризис, о котором я говорил ранее?

Для этой семьи — ровно ничего. Ни малейшего изменения.

Полки в магазинах пустеют? Им все равно. У них дома все полно. Цены подскакивают до небес? Они купили свой запас по старым ценам, когда было дешево — ибо дешевизна есть лишь миг перед вечным подорожанием. Нужно срочно что-то разыскать? Не нужно. Поиск уже свершился. Давно. В тот самый блаженный час, когда они «просто гуляли», как стадо, не ведающее о пастухе.

Понимаете ли вы теперь всю глубину различия?

При первой стратегии поиск возникает в момент нехватки — то есть именно тогда, когда время дороже всего, а сил или

средств почти не осталось. При второй — поиск не возникает вовсе. Ибо само запасание встроено в досуг.

Формула времени создания запаса для этой второй стратегии выглядит так:

Тработы + Тдосуга.

Но обратите внимание: Тдосуга — это время, которое эти люди в любом случае потратили бы на праздное шатание, на пустую трату жизни под видом отдыха. Оно не переживается как работа. Оно, по их самоощущению, приносит удовольствие.

А потому эффективность не падает. И нечему здесь падать. Ибо у того, кто с самого начала не рассчитывал на стабильность мира, не может быть и разочарования. Этот человек — или, точнее, это домашнее существо — уже живет в том хаосе, который для профессора есть катастрофа.

Вот вам и вся премудрость. Первый стратег надеется на порядок мироздания — и гибнет. Второй не надеется ни на что — и просто продолжает жевать. Природа, как всегда, оказывается умнее любой экономической теории.

Вторая стратегия работает. А экономические теории — нет.

Позор.

Да, именно так это называется. Не «неполнота модели». Не «зона исключений». Не «требуется дальнейших исследований». А просто, грубо, по-немецки: *Schande*.

Позор, который не смыть никакими индексами цитиро-

вания и никакими Нобелевскими премиями. Ибо наука, не способная объяснить бабушку с ее кладовкой, не имеет права называться наукой. Она — лишь пустая игра в бисер для взрослых детей, которые так и не поняли, что мир не выстраивается под их уравнения.

Давайте же разберемся — спокойно, без гнева, ибо гнев здесь излишен, но с той холодной основательностью, какой требуют важные вопросы, — почему так вышло. И какой урок из этого надлежит извлечь тому, кто еще способен мыслить.

О теории рационального выбора

Начнем с главного кита, на котором держится весь этот балаган экономического мейнстрима. Этот кит именуется **теорией рационального выбора** — и имя — это столь же громко, сколь и лживо.

Она утверждает, и утверждает с видом непререкаемой истины: человек — не более чем максимизатор полезности. Этакий ходячий арифмометр в штанах. Он всегда, видите ли, знает, чего хочет. Он всегда выбирает лучший вариант из доступных. Он всегда, с математической точностью, минимизирует свои издержки.

Превосходно. Применим же эту блистательную теорию к нашей второй стратегии — к той самой, что спасает бабушек и соседей в кризис, а экономистов повергает в краску стыда.

Что же делает этот «рациональный человек» во второй стратегии? А вот что.

Он регулярно, с почти религиозным усердием, обходит торговые заведения — без всякой конкретной цели. Тратит на это праздное шатание свое время — ту единственную субстанцию, которую нельзя ни вернуть, ни купить. Иногда, под влиянием необъяснимого каприза, что-то покупает. Держит дома запас, не ведая о преимуществах ликвидности.

С точки зрения теории рационального выбора — о, с этой высокой, гордой, абсолютно оторванной от земли точки зре-

ния — это абсурд.

Во-первых, время потрачено впустую. Нет цели — нет полезности. Нет полезности — нет рациональности. Любой экономист, даже самый захудалый, с важностью павлина изречет: «Издержки поиска не окупаются, коль скоро нет личного дефицита».

Во-вторых, запас дома — это, слышите ли, «омертвленный капитал». Какое сладкое, какое ученое слово! Деньги, которые превращены в тушенку, не работают. Им бы, видите ли, бегать по биржам, приносить проценты, а не лежать смиренно на полке, ожидая дня, когда они понадобятся своему хозяину. Их лучше держать в ликвидной форме. Или инвестировать. Или, на худой конец, проиграть в казино — ибо проигрыш, как ни странно, теория рационального выбора осуждает куда мягче, нежели предусмотрительность.

В-третьих — и это уже вовсе забавно, — хранение запасов имеет, видите ли, альтернативную стоимость. Эти деньги, лежащие в гречке и консервах, можно было потратить на что-то другое. Или положить в банк под проценты — в тот самый банк, который завтра может лопнуть, как мыльный пузырь, оставив вкладчика с пустыми руками и богатым опытом.

Итак, теория рационального выбора предсказывает: люди не могут так делать.

Но они делают. И делают не от глупости (хотя глупость, увы, всегда в избытке), а оттого, что инстинкт самосохране-

ния древнее и умнее любой их теории. И они выживают.

Что же говорит на это теория? О, она нашла выход, достойный самой изощренной софистики. Она бормочет: «Ограниченная рациональность». «Поведенческое искажение». «Люди ошибаются».

Переведите эту ученость на простой, честный язык, и вы получите: *реальность ошибается, а теория права*.

Удобная позиция, не правда ли? Позиция человека, который, проиграв шахматную партию, объявляет, что доска стояла криво. Позиция врача, который, потеряв пациента, говорит, что болезнь была неизлечимой. Позиция экономиста, который, наблюдая, как запасливый сосед благополучно переживает кризис, а его собственная теория разлетается в прах, заключает: сосед просто «иррационален».

Вот как выглядит гордость современной науки. И вот почему вторая стратегия останется для нее вечной загадкой — ибо загадку нельзя решить, если заранее объявить правильным только тот ответ, который назначен правильным.

О теории потребительского поведения

Переходим ко второму киту — ибо первый, как мы видели, уже треснул под тяжестью собственной нелепости. Второй кит именуется **теорией потребительского поведения** — и здесь пустословие достигает поистине изящных вершин.

Сия теория описывает, с видом величайшей точности, как некий абстрактный человек — опять же, не тот, что дышит, страдает и умирает, а тот, что живет лишь в воображении профессоров, — распределяет свой жалкий доход между разными благами. И распределяет он единственно с одной целью: максимизировать полезность. Как будто полезность можно измерить, как будто счастье поддается калькуляции, как будто человек — это кошелек на ножках.

Ключевое понятие здесь — «бюджетное ограничение». Это означает: у вас есть некая сумма денег. И вы, словно главбух, решаете, сколько потратить на хлеб, сколько на молоко, сколько на те жалкие развлечения, коими пытаетесь обмануть тоску существования.

Вторая стратегия — та, что основана на запасливом досуге, — в эту «изящную» схему не вписывается. И не вписывается она не потому, что схема плоха (хотя она плоха), а потому, что схема предполагает нечто, чего в живой жизни нет.

А именно: теория полагает, будто человек распределяет доход между *потреблением сегодня* и *потреблением завтра* — как две чаши весов. Но человек второй стратегии не распределяет. Он **запасает**. И это, как мы увидим, есть действие совершенно иного порядка, нежели уравновешенное распределение.

Но теория потребительского поведения — и здесь мы подходим к самому смешному — не различает «запас» и «поток». Для нее товар, купленный сегодня, и товар, купленный месяц назад, суть просто разные точки на одной и той же временной оси. Ей нет дела до того, что запас лежит в кладовке, ждет своего часа, и меняет само поведение человека.

Она не видит — и не может видеть, ибо ее глаза заклеены формулами, — что запас в кладовке убирает поиск. Что он прерывает ту самую мучительную цепочку «нужда — поиск — трата — новая нужда». Что он, наконец, создает предсказуемость — то самое качество, которое для разумного существа ценнее любой максимизации полезности.

Более того. Теория предполагает — и предполагает с наивностью ребенка, — что потребление должно быть равномерным. Человек, согласно этой утешительной сказке, тратит деньги регулярно день за днем, дабы максимизировать удовольствие. Никаких рывков. Никаких излишеств. Никаких десяти банок тушенки, купленных за один раз.

А вторая стратегия — это как раз неравномерные закупки. Сегодня — десять банок. Месяц — ни одной. Потом —

еще пять. Глазу, привыкшему к гладким кривым, такое зрелище кажется чудовищным. Но жизнь, увы для теории, не обязана быть гладкой.

С точки зрения теории — это иррационально. С точки зрения жизни — гениально.

Ибо жизнь, в отличие от теории, знает: кризис не приходит по расписанию. И тот, кто потратился на десять банок сегодня, чтобы иметь их завтра, — тот просто умнее того, кто растянул свои деньги на равномерные порции и встретил пустые полки с видом оскорбленного достоинства.

Вот вам и вся теория потребительского поведения. Она описывает мир, которого нет. И умалчивает о мире, который есть. А мир этот — с его кладовками, морозилками и запасливыми соседями — посылает ее к черту всякий раз, когда наступает кризис. И теория краснеет. Ибо краснеть — единственное, что ей осталось.

О маржинализме

Третий кит. И, пожалуй, самый самодовольный из всех.

Маржинализм. Слово, от которого у любого экономиста загораются глаза. Предельная полезность. Это означает, по их разумению, что каждая следующая единица блага приносит своему обладателю меньше удовольствия, нежели предыдущая. Первый глоток воды в пустыне — блаженство. Десятый — уже просто вода. Сотый — пытка.

Из сего нехитрого наблюдения они выводят целую науку. Рациональный человек, учат нас, покупает ровно столько, сколько нужно, чтобы уравнивать предельную полезность последней единицы с ее ценой. Ни больше, ни меньше. Точная, математически выверенная скупость — вот идеал человека по верЭти маржинализма.

Теперь посмотрим, что делает с этой прекрасной теорией вторая стратегия — та самая, что основана на запасливом досуге.

Она нарушает закон предельной полезности. Не просто обходит стороной — а нарушает с той спокойной наглостью, с какой крестьянка нарушает правила этикета.

А именно: вторая стратегия предполагает, что десятая банка тушенки может быть полезнее девятой. Да, именно так. Полезнее. Не в том смысле, что она вкуснее — о вкусах, как известно, не спорят, да и тушенка остается тушен-

кой. А в том смысле, что она, эта десятая банка, увенчивает собой запас, создает ту критическую массу, которая превращает количество в качество.

Ибо запас — это не сумма единиц. Запас — это целое, обладающее свойствами, которых нет ни у одной его части. Десятая банка убирает риск поиска в будущем. Она превращает тревогу в спокойствие. Она переводит ваше существование из режима «как бы чего не случилось» в режим «а пусть случается — мне все равно».

Маржинализм не учитывает этот эффект. Для маргиналиста полезность банки зависит только от ее потребительских свойств. От того, сколько в ней белка, жира и углеводов. От того, насколько приятен ее вкус. Но не от того, что наличие этой банки в вашей кладовке меняет всю конфигурацию вашего поведения — отныне вы ходите по магазинам не как раб, а как господин.

Это — слепое пятно теории. И пятно это не маленькое, не такое, которое можно не заметить, если чуть прищуриться. Оно огромное. Жирное. Во всю стену. Пятно, в котором уместается весь опыт человеческого выживания — от колхозных амбаров до стратегических государственных запасов, от холодильника до закромов родины. Пятно, которого маржинализм предпочитает не замечать, ибо если его заметить, вся теория рассыплется, как карточный домик.

Ибо что останется от предельной полезности, если признать, что десятая банка может быть важнее первой? Что

останется от рационального выбора, если признать, что человек запасает не ради сегодняшнего удовольствия, а ради завтрашнего спокойствия? Что останется от всей этой изящной математической схемы, если признать, что жизнь — это не кривые безразличия, а борьба с неопределенностью?

Ничего. Вот почему маржинализм молчит. Вот почему он отворачивается. Вот почему он называет запасливого соседа «иррациональным» — ибо признать его правоту означало бы признать собственную бесполезность, а этого ни один профессор не переживет.

О модели экономического человека

А теперь — вишенка на этом пышном, но совершенно несъедобном торте. Та самая вишенка, которая, если приглядеться, оказывается муляжом из раскрашенной пластмассы.

Модель экономического человека. *Homo economicus* — как торжественно звучит это латинское имя, достойное разве что эпитафии на могиле здравого смысла!

Что же это за существо, спрашивается? О, это создание, наделенное свойствами, которым мог бы позавидовать разве что ангел. А именно:

Оно всегда знает свои предпочтения. Никакой рефлексии, никаких сомнений, никакого «хочу, но не знаю чего». Ясность, достойная таблицы умножения.

Оно всегда может эти предпочтения упорядочить. Сравнить, взвесить, расположить в строгой иерархии — как библиотекарь, расставляющий книги по алфавиту.

Оно всегда выбирает наилучший вариант из всех доступных. Не второй, не третий, не «со скидкой, но не совсем то». А именно наилучший. Всегда. Без единого исключения.

Оно никогда не ошибается. Ибо ошибка — удел тех, у кого нет всей полноты информации. А у *Homo economicus* — есть.

Оно никогда не поддается эмоциям. Эмоции — эта вонючая лужа животного начала — для него не существуют. Оно

холодно, как лед, и расчетливо, как ростовщик.

Оно никогда не действует по привычке. Ибо привычка — это автоматизм, а автоматизм — это нерациональность. Каждое действие должно быть заново обосновано, просчитано и утверждено.

Вот он, идеал современной экономической науки. Человек, у которого нет ни души, ни страха, ни предков, ни будущего. Только полезность, издержки и бюджетное ограничение.

А теперь приложим эту блистательную модель ко второй стратегии. Что мы увидим?

Вторая стратегия для *Homo economicus* — нонсенс. Чистой воды бессмыслица. Ибо она, эта стратегия, основана на привычке. На том, что называется «так делали предки». На интуиции — этом проклятом слове, от которого у любого экономиста дергается глаз.

Бабушка не максимизирует полезность в каждый отдельный момент времени. Она, видите ли, создает запас — эту грубую, животную, совершенно нерациональную страховку на черный день.

Напротив, рациональный человек, учат нас, не будет готовиться к событию, вероятность которого неизвестна. Он будет жить сегодняшним днем. Тратить сегодня. Радоваться сегодня. И плевать на завтра, ибо завтра не входит в его уравнение.

Но люди — заметьте, живые, дышащие, страдающие лю-

ди — готовятся. И правильно делают. Ибо инстинкт самосохранения, этот древнейший из советников, подсказывает им то, чего не может просчитать ни один профессор.

Почему же теория ошибается? Да потому что мир изменчив. А теория предполагает стабильность. Мир — это борьба, удар судьбы, пустая полка там, где вчера был полная. А теория — это гладкие кривые, равновесные состояния и предположение, что завтра будет как сегодня.

Вот вам и весь *Homo economicus*. Он прекрасен. Он безупречен. Он логичен. И он не существует. Никогда не существовал. И никогда существовать не будет. А живые люди — те, что с кладовками и морозилками, с инстинктами, — будут жить, выживать и процветать. К великому огорчению всех экономистов.

О том, почему так вышло

Спрашивается: откуда взялись эти теории? эти воздушные замки, эти хрупкие паутины, эти пышные, но совершенно бесплодные построения? Ответ прост, и оттого тем более горестен.

Они взялись из девятнадцатого века. Из того далекого, наивного, самодовольного века, когда люди еще верили в прогресс, в разум и в то, что мир устроен по правилам. Из мира, где цены менялись медленно, где кризисы случались раз в поколение — и то не со всяким, а с каким-нибудь неудачником за океаном, и где информация была редким, драгоценным товаром, а не мусором, в котором мы тонем ныне.

В ту пору — о, блаженная пора академической наивности! — можно было предполагать, что человек — это калькулятор. Что он взвешивает, сравнивает, выбирает лучшее, подобно немецкому профессору, выбирающему трубку для вечернего курения. Что рынки, эти чудовищные скопища алчности и глупости, тем не менее эффективны. Что равновесие — та сладкая, мертвенная неподвижность, к которой якобы стремится всякая экономика, — достижимо.

Сегодня мир другой. И не просто другой, а прямо противоположный тому, какой предполагает теория. Цены меняются каждый день — а то и каждый час. Кризисы приходят каждые пять лет, словно поезда по расписанию, только рас-

писание заранее никому не известно. Информации — океан, настоящий океан, в котором легче утонуть, чем напиться.

Но теория осталась той же. Замершая как муха в янтаре, как тот чудака, который продолжает танцевать менуэт, когда оркестр уже давно играет джаз.

Почему же так вышло? Почему наука, которая должна объяснять мир, цепляется за схемы, которые миром давно опровергнуты?

О, причина проста до отвращения. Потому что эта теория **удобна**.

Она дает прогнозы. А прогнозы — это наукообразно. Прогнозы дают иллюзию уверенности. А уверенность — это то, за что люди готовы платить любую цену, лишь бы не смотреть в лицо неизвестности.

«Инфляция вероятно вырастет на один процент...» Красиво. Научно. И совершенно, абсолютно, бесполезно. Ибо инфляция никогда не растет ровно на один процент. Ибо «при прочих равных» не выполняется никогда. Реальность, эта грубая баба с мозолистыми руками, не вписывается в формулы. Она заставляет признать то, что любой экономист предпочел бы оставить за скобками: **человек — не калькулятор**.

Человек — культурное существо. Существо, которое делает запасы не потому, что так велела предельная полезность, и не потому, что так вычислил его рациональный ум. А потому, что его бабушка делала запасы. И процветала. А

его отец не делал запасов. И семья прозябала.

И этот опыт — не формула. Не график. Не уравнение. Он — кровь и плоть. Он — память поколений, записанная не в учебниках, а в семейных хрониках. И он, этот древний, неудобный, совершенно иррациональный с точки зрения *Homo economicus* опыт, оказывается прав всякий раз, когда наступает кризис. А теория — краснеет.

Вот вам и весь ответ. Теории удобны. Реальность — нет. И пока экономисты будут выбирать удобное, а не истинное, их наука будет оставаться тем, чем она и является: пышной эпитафией на могиле здравого смысла.

О том, почему эти господа с кафедр обречены на непонимание.

Я скажу вам — ибо правда, сказанная прямо, все же лучше сладкого бормотания лжецов, — почему экономисты не могут объяснить столь простые вещи.

О, у них есть слова — целый зверинец пустых терминов: «товар», «актив», «ликвидность», «потребительская корзина». Но нет «запаса» как экономической категории. То есть того, что отличает человека разумного от белки, зарывающей орехи.

У них нет понятия «суррогата запаса». Они не различают деньги и реальные блага — эти две столь непохожие сущности. Для них деньги — «всеобщий товар». А не то, чем они являются на самом деле: муляж, фантик, ловко раскрашенный инструмент порабощения, за который каждый человек отдает настоящее мясо и настоящий хлеб.

У них нет понятия «поиск» как экономической деятельности.

У них нет формулы $E = T_{\text{потребления}} / T_{\text{создания}}$. Поэтому они не видят того, что видит всякая деревенская баба: что время досуга может быть временем создания запаса — если только досуг этот не переживается как мучительный поиск, а течет себе естественно, как вода по руслу привычки.

И главное — о, это главное, чего им вовек не постичь! — у них нет понятия **культурной экономической потребности**.

Потребности делать запасы. Потребности держать слово. Потребности быть соборным, нарядным, присяжным. Всего того, что не вычислишь на абаке и не втиснешь в кривую спроса.

Они свели экономику к расчету. К оптимизации. К равновесию — этому трупному окоченению живой жизни.

И пропустили главное. То самое главное, за что их и следовало бы высечь на университетской площади для вразумления прочих.

А именно: **экономика — это культура**. А культура — это не формулы. Культура — это то, как мы, люди, живем вместе, как терпим нужду, не кланяясь всякому фантику, как создаем запасы, не дожидаясь профессорского разрешения, и как передаем это умение своим детям — тем самым плюя в лицо всем теориям, которые не пережили и одного голодного года.

Вот вам ответ. И он останется для господ экономистов китайской грамотой. Ибо кто привык считать, тот никогда не научится понимать.

Итак, перед вами два пути — иного не дано.

Вы можете продолжать, подобно тому скупердю, что копит бумажные фантики, и лелеять в себе глупую надежду, что внешний мир, этот вечный бунт хаоса, по какой-то неле-

пости вдруг не решится рухнуть.

А можете — о, если в вас осталась хоть искра здравого смысла, — начать делать запасы. Но не из того подлого страха, который парализует волю и делает человека похожим на зайца перед удавом. Нет. Из развлечения. Из легкого, почти презрительного досуга.

Ходить по магазинам не потому, что низменная необходимость толкает вас в спину криком: «Купи хлеб!». А потому что вам просто интересно — как собаке, которая бежит не за дичью, а за самим движением. И если на пути попадется нечто со скидкой — взять, не торгуясь. Положить в кладовку. И забыть тревогу за будущее.

А когда, наконец, грянет тот кризис, который предсказывали все, кроме господ экономистов, — достать. И не заметить, что кризис вообще был. Ибо для того, у кого в подполе лежит прошлогодняя гречка, время перестает быть тираном.

Это не жадность. Жадность — это когда копят, не переставая, и не тратят никогда. Это не «потребительский экстремизм» — какое пошлое слово для столь простого дела. И уж тем более это не то идиотское выражение «советское прошлое», которым либеральные экономисты, никогда не видевшие голода иначе как на графиках, любят клеймить всякое благоразумие.

Это — достаточность.

Вы не ждете, пока слепой мир соизволит даровать вам стабильность. Вы не сидите сложа руки, как та глупая девушка

из сказки, надеясь на принца. Вы создаете стабильность сами. Собственными руками. В своей кладовке. В своей морозилке. В своей голове — если только она еще не окончательно атрофировалась от чтения экономических бестселлеров.

И главное — вы перестаете быть заложником.

Вы перестаете зависеть от того, напечатают ли хозяева денег еще пару триллионов — эти ничего не стоящие клочки бумаги, на которых держится вся комедия современного рабства. Вы перестаете бежать в той беличьей гонке, которую нельзя выиграть по определению, ибо бегут в ней все, а финишная лента отодвигается всякий раз, когда вы к ней приближаетесь.

Вы просто живете. Не торгуете. Не оптимизируете. Не вычисляете предельную полезность. А живете — как жили люди за тысячу лет до того, как какой-нибудь профессор выдумал слово «маржинализм».

И у вас есть запас. А значит — у вас есть будущее. Ибо будущее принадлежит не тому, кто больше знает, а тому, кто меньше нуждается.

Выбор за вами. Другого выбора, впрочем, у вас и нет: либо продолжать быть заложником теорий, которые не работают, либо стать хозяином своей собственной, пусть маленькой, пусть тесной, но устойчивой жизни.

А в следующих главах — если, конечно, вы еще не закрыли книгу со словами «этот человек сошел с ума», — я покажу вам, как понятия «запас», «поиск» и «культурная по-

требность» работают не в отвлеченных рассуждениях, а на самой что ни на есть грубой, земной практике.

Я покажу, почему они объясняют не только то, как бабушка заполняет свою кладовку, но и то, как устроена вся мировая экономика — от первобытной до цифровой.

Как читать книгу

Вы держите в руках не экономический учебник. Экономические учебники — эти скучные, самодовольные, официально одобренные надгробные речи над живой экономикой. Они говорят: «запомните это, выучите то, сдайте экзамен — и забудьте». Ибо такова судьба всего, что заучивается без понимания: оно входит в одну дырку в голове и вылетает в другую, не оставив о себе и следа.

Сия книга — другая. Она желает вам мыслить — что, как известно, является прямой противоположностью сдаче экзаменов.

Эта книга — **дорога**. Не более и не менее. Дорога по той самой местности, по которой вы будете идти сами — без провожатых, без нянек, без профессоров, которые держат вас за руку и подсказывают, куда ставить ногу.

И на каждом шагу этой дороги вам придется думать своей головой. Ибо готовых ответов здесь нет. И не может быть, ибо готовые ответы — удел тех, кто не желает знать, а желает верить. Вместо готовых ответов я даю вам **инструменты**. Вместо формул — **понятия**, хотя формулы тоже будут. Вместо молитв, обращенных к авторитету, — **логику**.

И есть у меня одно обещание — обещание, которое я редко даю и еще реже нарушаю. А именно: **после этой книги вы будете видеть экономику иначе. Навсегда.**

Другими глазами. Глазами, которые видят не кривые и графики, а кладовки и морозилки. Не предельную полезность, а культурную потребность. Не рационального агента, а живого человека с его привычками, страхами и предрассудками.

Но чтобы это обещание сбылось, нужно знать, куда вы идете. Ибо тот, кто бредет без карты, либо заблудится, либо, что еще хуже, будет думать, что идет, когда на самом деле стоит на месте. Поэтому я даю вам **дорожную карту**.

Не бойтесь ее. В ней нет ничего сложного. Сложное — удел тех, кто хочет запутать, чтобы казаться умным. Простое — удел тех, кто хочет, чтобы его поняли. А я, признаться, хочу, чтобы меня поняли. Ибо писал эту книгу не для собственного удовольствия (хотя и для него тоже), а для того, чтобы вы, читатель, перестали быть заложником теорий, которые не работают, и стали хозяином собственной, пусть маленькой, но **вашей** совершенной экономики.

Часть первая. Как устроена экономика на самом деле.

Здесь, в этой первой части, мы закладываем фундамент. Ибо без фундамента всякое строение — будь то дом, кладовка или целая наука — рухнет при первом же дуновении ветра. А ветра, как мы знаем, дуют часто и с разных сторон.

Вы узнаете здесь то, чего не написано ни в одном учебнике. А именно:

Что такое естественная потребность — та грубая, животная, неистребимая потребность, которая кричит: «найти!». И что такое **культурное ограничение** — то властное требование, которое утверждает: «при употреблении не должно искать». Ибо в этом противопоставлении — найти против иметь уже найденным — заключена вся суть человеческой экономики.

Вы поймете, почему **экономического человека** — этого хваленного *Homo economicus* — сделал не труд, как учат марксисты, и не покупки, как учат либералы, а **запасливость**. Ибо именно запасливость, а не что иное, отделила человека от животного, живущего одним днем.

Вы познакомитесь с **главной формулой этой книги** — с той самой формулой, которую экономисты не заметили, ибо смотрели не туда. Формула эта называется **совершенной экономической эффективностью** — и выглядит она так:

$$E = T_{\text{потребления}} / T_{\text{создания}} > 1$$

Не пугайтесь, прошу вас. Я не питаю слабости к тем авторам, которые засыпают читателя значками, чтобы скрыть собственную пустоту. Формула эта проста, как палка, и верна, как молот. Она говорит всего лишь следующее: **время, на которое вам хватает ваших запасов, должно быть больше времени, которое вы тратите на создание новых запасов**. Если это так — вы живете. Если нет — вы

сгинете. Вся экономика, от пещеры до биржи, есть лишь бесконечная борьба за то, чтобы левая часть неравенства оставалась больше правой.

Вы узнаете **четыре ситуации процветания** — от той, где «гарантировано всё», до той, где «не гарантировано ничего». И вы поймете — и поймете это твердо, как понимают необходимость дышать, — почему четвертая ситуация, та, где не гарантировано ничего, есть самая неустойчивая, самая мучительная, самая опасная. Но именно из нее, из этого отсутствия гарантий, вырастает будущее. Ибо будущее — удел не тех, кто спит на готовом, а тех, кто строит.

Что надлежит делать читателю.

Не торопитесь. Я обращаюсь к вам не как к студенту, который должен сдать экзамен к пятнице, а как к человеку, который хочет понять. А понимание не терпит спешки. Спешка — удел дураков и курьеров.

Фундамент — самое важное. Если вы поймете главы с первой по третью, если они войдут в вашу плоть и кровь, если вы сможете смотреть на любой экономический вопрос глазами запасливого человека, а не максимизатора полезности, — то остальное пойдет как по маслу. Книга сама потечет сквозь вас, ибо вы уже будете владеть ее ключом.

Если же вы не поймете — вернитесь. Перечитайте. И еще раз. Ибо нет ничего постыдного в том, чтобы прочесть страницу дважды. Постыдно иное: прочесть ее раз, не понять и сделать вид, что понял, дабы не ронять своего достоинства.

А достоинство — поверьте человеку, который видел много достоинств и еще больше их крушений, — достоинство не в том, чтобы не ошибаться, а в том, чтобы исправлять свои ошибки.

Это стоит того. Ибо речь идет не о том, чтобы украсить свою библиотеку очередным томом. Речь идет о том, чтобы научиться видеть. А тот, кто научился видеть, никогда не вернется к слепоте.

Часть II о прошедших экономических эпохах — или о том, как человечество училось делать запасы.

Глава четвертая. Сия глава — сердце книги. Ибо здесь начинается биться та самая артерия, по которой течет подлинная история — не история царей и войн, не история договоров и переворотов, а история запасов. Только она, и никакая другая. **Первая экономика. Соборность.** Основа здесь — то, что вообще может стать запасом. Не больше и не меньше. Эпоха, когда человек еще не отделил себя от рода, а род — от земли. Простая, но здоровая эпоха. Как детство человечества. И все собираем вместе. Все потребляем вместе.

Глава пятая. Вторая экономика. Наряд. Запасы могут образовывать скопления. Не просто лежать, а собираться в кучи, в горы, в сокровищницы. Появляется разведка — ибо кто ищет, тот находит. Появляются князья — ибо кто находит, тот распределяет. Появляется дань — ибо кто потребляет, тот учитывает. И звучит тот древний, полный тоски призыв: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней

нет».

Глава шестая. Третья экономика. Поощрение и слава. Самовозрастающие запасы. О, это уже тонкая материя! Запасы, которые растут сами собой — не от труда, а от поощрения. От славы. От того, что люди готовы отдавать, чтобы получить имя. Здесь появляются обряды, жертвоприношения, а затем и те удивительные монеты без номинала, которые ценны не тем, что на них написано, а тем, кто их выпустил. Тайна восточного базара — где цена зависит не от издержек, а от умения торговаться и от чести продавца, — рождается именно здесь.

И здесь, в конце четвертой главы, я прерываю свой рассказ — не от лени и не от желания томить читателя, а оттого, что книга не резиновая, а терпение человеческое — тем более. Остальное — во втором томе.

О том, что будет во втором томе. (Для нетерпеливых, но мыслящих.)

Часть третья о нынешней и будущих экономических эпохах.

Глава седьмая. Четвертая экономика. Присяга. Запасы переработки. Эпоха, когда человек обещает — и держит слово, ибо иначе его запасы сгниют, а его самого изгонят из артели. Честность здесь не добродетель, а условие существования. Цеха, артели, купеческие гильдии. И та прекрасная, полная скрытой мудрости сказка об «Аленьком цветочке» — где купец делает запасы не для себя, а для той, кто

ждет. И — о, ирония судьбы! — программисты как могильщики капитализма. Ибо они создают то, что можно копировать бесконечно, а значит, в конце концов — бесплатно. Чем кончается капитализм? Тем, что всеобщий товар перестает быть товаром.

Глава восьмая. Пятая экономика. Кодэтика. Универсальные полуфабрикаты. Цифровая экономика, экономика знаний.

Глава девятая. Шестая экономика. Окончательное решение основной экономической задачи. Практически неисчерпаемые запасы. Эпоха, когда человеку наконец не нужно искать — ибо все уже есть. У этой эпохи нет упадка. Ибо упадок — удел тех, кто борется за дефицит. А когда дефицита нет — нечему падать. Проблема решена. Остается только жить. И это, как ни странно, самая трудная задача из всех.

Что надлежит делать читателю.

Каждая глава — это эпоха. Не перескакивайте. Не листайте, как листают детектив, чтобы узнать, кто убийца. Ибо убийца здесь — всегда один и тот же: нехватка. А герой — всегда один и тот же: запас.

Читайте последовательно. Потому что каждая следующая эпоха вырастает из упадка предыдущей. Соборность умирает — рождается наряд. Наряд гниет — рождается поощрение. И так далее, пока не дойдем до той черты, где проблема исчезает вовсе.

Это логика. Не та логика, которую можно нарушить безнаказанно. А та, которой подчиняется сама история. И если вы попытаетесь перескочить через ступеньку, вы ничего не поймете — и будете правы, ибо понять здесь нечего, если не пройдено то, что было до.

Итак — не торопитесь. Эпохи не торопятся. А вы — тем более.

О том, что будет там же, во втором томе. Часть четвертая. О тайнах, которые объясняет только эта теория — и о которых академическая экономика предпочитает молчать. Главы с десятой по двенадцатую.

Теперь, когда вы прошли сквозь эпохи — от соборной первобытности до цифрового будущего, — когда вы заложили в голове тот фундамент, который не заложит ни один университет, — мы можем наконец приступить к самому интересному. А именно: к разбору тех загадок, которые академическая экономика, при всей ее спеси и математической вычурности, объяснить не может. И никогда не сможет, ибо ее инструменты для этого не годятся, а ее взгляд — направлен не туда.

Тайна первая. О деньгах. Или о том, откуда взялся этот раскрашенный фантик и почему он порабощает целые народы.

Откуда взялись деньги на самом деле? Не из бартера, как учат в учебниках, — ибо бартер есть позднее и довольно редкое явление, а не начало начал. И почему эти ничего не

стоящие клочки бумаги — или, в старину, ничего не стоящие кружочки металла — приобрели такую власть над человеком, что он готов продавать за них душу, время и собственных детей? И почему Маркс, этот гениальный слепец, так много понял и так много упустил? Ответы на эти вопросы вы найдете здесь. И они вам не понравятся. Ибо правда о деньгах — это правда о порабощении, а правда о порабощении никогда не бывает приятной.

Тайна вторая. О капитале. Или о том, кто такие «хозяева жизни» и почему они не работают, но получают гарантированную прибыль.

Кто они, эти люди, которые сидят в своих офисах, пьют кофе, подписывают бумаги — и получают больше, чем тысяча рабочих, надрывающих спины на заводах? Почему они не работают — в том смысле, в каком работают все остальные, — но их прибыль гарантирована, в то время как рабочий каждое утро рискует остаться без куска хлеба? И как получается, что капитализм, который нам представляют как высшую стадию развития, на поверку оказывается не стадией развития, а **формой упадка** — упадка запасливости, упадка культуры, упадка самого человека? Это, признаюсь, самая горькая тайна из всех. Но мы ее раскроем.

Тайна третья. О войне и терроризме. Или о том, почему войны начинаются не из-за ресурсов, а из-за чего-то совсем иного.

Почему люди убивают друг друга? Экономисты, эти наив-

ные дети, любят повторять: «война есть продолжение политики иными средствами, а политика есть перераспределение ресурсов». Вздор. Полный вздор. Войны начинаются не из-за нефти и не из-за территории. Они начинаются из-за того, о чем академическая экономика не смеет и заикнуться. И почему терроризм — этот бич современности — есть не отклонение от капитализма, не его болезнь, а его **суть**? Почему капитализм в своем чистом, незамутненном виде и есть терроризм — только терроризм, прикрытый фраком и дипломатом? Здесь, в двенадцатой главе, мы дойдем до самой сердцевины. И многим читателям захочется закрыть книгу. Не закрывайте. Ибо правда, какой бы горькой она ни была, лучше сладкой лжи.

Что надлежит делать читателю.

Здесь, в этой части, будет много разоблачений. Не пугайтесь. Я не собираюсь ни запугивать вас, ни, тем более, обращаться в свою веру. Я собираюсь одно: заставить вас **думать**.

Не верьте мне на слово. Я не требую веры. Вера — удел религий, а не книг, написанных логикой. Проверяйте. Сопоставляйте. Спрашивайте себя на каждой странице: «верно ли это?» И если не верно — бросайте книгу в огонь. Но если верно — не отворачивайтесь. Ибо тот, кто отворачивается от правды, обречен жить во лжи.

Эта часть — как детектив. Вы будете собирать улики вместе с автором. Шаг за шагом, факт за фактом, понятие за понятием. И в конце — о, в конце вас ждет вывод, от кото-

рого у многих волосы встанут дыбом. Шокирующий вывод. Не потому, что я люблю шокировать — я, напротив, люблю ясность, а шок есть противоположность ясности. А потому, что сама правда устроена так, что, когда ее наконец видишь целиком, она не может не шокировать.

Итак — готовьтесь. Кладовка ума должна быть полна, прежде чем мы откроем эту дверь. Ибо за ней — не гречка и не тушенка. За ней — понимание того, как устроен мир на самом деле. А это, смею вас заверить, дороже любой кладовки.

О приложениях. Для самых дотошных — то есть для тех, кто не желает верить на слово, а хочет убедиться собственными глазами и собственной головой.

Ибо всякая книга, которая не предлагает читателю средств для проверки своих утверждений, есть не книга, а проповедь. А проповеди, как известно, учат верить, а не знать. Я же хочу, чтобы вы знали. Поэтому — приложения. Два. Или больше, ни меньше. Каждое — на свой лад.

Приложение А. О теоремах и доказательствах.

Для тех, кто хочет проверить логику самостоятельно — без посредников, без доверия к автору, без той сладкой лени, которая шепчет: «ну, наверное, он прав».

Здесь вы не найдете никакой «магии». Я презираю магию в делах рассудка. Магия — удел шарлатанов и поэтов, а не тех, кто ищет истину. Здесь вы найдете только **строгие доказательства**. И все доказательства **методом от против-**

ного. Ибо этот метод, как известно, самый надежный: предположи, что прав твой противник, — и увидишь, во что это предположение упирается. Обычно — в стену.

Если вы пропустите это приложение — вы не потеряете сюжета. Если вы его прочтете — вы приобретете нечто большее, чем сюжет: вы приобретете уверенность. Ибо уверенность, достойная этого имени, рождается не из веры, а из понимания. А понимание — из доказательства.

Приложение Б. Словарь терминов.

Если вы забыли — а забывать свойственно всякому человеку, ибо память есть не бездонная бочка, а сосуд с трещинами, — что означает то или иное слово, не листайте книгу в поисках потерянного места. Не мучайте себя. И не мучайте книгу. Просто загляните сюда.

Словарь этот составлен не для того, чтобы поразить вас ученостью, а для того, чтобы спасти вас от путаницы. Ибо путаница в терминах есть мать путаницы в мыслях. А путаница в мыслях — мать всех зол, от глупых покупок до кровавых революций.

Что надлежит делать читателю с этими приложениями.

Читать их не обязательно. Книга завершена и без них. Но если вы из тех, кто не успокаивается, пока не проверит каждую грань, — эти приложения для вас. Пользуйтесь. Проверяйте. Сомневайтесь. И, если найдете ошибку — напишите мне. Ибо тот, кто находит ошибку в моих рассуждениях, де-

дает мне подарок, дороже которого нет.

А если не найдете — значит, фундамент, заложенный в этой книге, крепок. И на нем можно строить дом. Или, на худой конец, кладовку. Что, в сущности, одно и то же.

О том, как читать эту книгу. Три совета — для тех, кто хочет понять, а не просто перелистать.

Книги, как и люди, бывают разные. Одни требуют беглого взгляда, ибо написаны для того, чтобы их забыли на следующий день. Другие — те, что написаны кровью и потом, — требуют иного обращения. Эта книга принадлежит ко вторым. Поэтому — три совета. Внемлите им, и чтение ваше не будет напрасным.

Совет первый. О том, что нельзя пропускать введение и первую часть. Или о том, что «воды» здесь нет.

Многие читатели — те, что привыкли к пустым книгам, раздутым до толщины кирпича ради издательского гонорара, — любят пролистывать «воду». Введение, мол, можно и пропустить. Первая часть — тоже, там одни общие слова.

Так вот. В этой книге воды нет. Ни капли. Каждая глава нужна для следующей. Каждая страница кладет кирпич в то здание, которое вы должны построить у себя в голове. Пропустили главу вторую — не поймете главу десятую. Пропустили главу четвертую — не поймете главу седьмую. Пропустили введение — не поймете ничего.

Я не шучу. И не запугиваю. Я просто описываю устройство книги. Она есть организм, а не набор независимых ча-

стей. А организм, как известно, нельзя расчленишь, не убив. Читайте последовательно. И не жалейте времени на начало. Ибо начало — это семя. А семени нужно время, чтобы прорасти.

Совет второй. О том, с чем читать эту книгу. Или о карандаше.

Читайте с карандашом. Не с электронной закладкой, не с маркером — с простым, старым, добрым **карандашом**. Ибо карандаш можно стереть, если ошибся, а чернила — нельзя. Ибо карандаш не требует благоговения, а чернила — как бы намекают на окончательность.

Подчеркивайте. Делайте заметки на полях. Спорьте с автором. Пишите: «здесь он не прав», «это слабое место», «а что, если...». Ибо эта книга не требует благоговения. Благоговение — удел священных текстов, а не тех, что написаны человеком для людей. Эта книга требует одного: **мышления**.

Если вы с чем-то не согласны — отлично. Превосходно. Замечательно. Значит, вы не глотаете написанное, как утка глотает хлебные крошки. Значит, вы включили голову. А голова, включенная в работу, — это единственный инструмент, который отличает читателя от перелистывателя страниц.

Не согласны? Докажите себе, что я не прав. На полях. Карандашом. А если докажете — напишите мне. Я буду рад. Ибо тот, кто нашел ошибку в моих рассуждениях, сделал для

меня больше, чем тот, кто просто согласился и похвалил.

И последнее. О том, что будет, если вы последуете этим трем советам.

Если вы не будете пропускать, будете возвращаться к якорю и будете читать с карандашом — эта книга откроется вам. Не вся сразу, не без труда, но откроется. И тогда вы увидите то, что видели до нее только краем глаза. А именно: что экономика — это не наука о деньгах и не наука о выборе. Экономика — это наука о запасах. О том, как человек, будучи существом слабым и не знающим завтрашнего дня, создает себе маленький островок устойчивости посреди бушующего моря неопределенности.

А это, смею вас заверить, стоит того, чтобы взять в руки карандаш.

О том, что вас ждет. Или о том, как отличить приключение от пустой прогулки.

Вас ждет интеллектуальное приключение. Не расслабляющий отдых у камина, не сладкое погружение в знакомые истины, а именно приключение — то есть движение в неизведанное, сопряженное с усилием, риском и, как всякое приключение, с наградой в конце.

Вы узнаете, почему ваша бабушка — та самая, что делает запасы и не доверяет банкам, — умнее всех экономистов, вместе взятых. И узнаете не в форме остроты, а в форме строгого доказательства.

Вы поймете, что такое деньги на самом деле — не то, че-

му учат в учебниках, а то, что скрыто за их раскрашенной поверхностью. И это понимание будет горьким, но освобождающим.

Вы увидите, как устроены **шесть экономических эпох** — от первобытной соборности, когда запас был общим, до цифрового будущего, где запасом становится знание. И увидите не в виде сухой хронологии, а в виде живой, дышащей логики, где каждая эпоха вырастает из упадка предыдущей.

Вы научитесь отличать **реальные запасы** от **суррогатов** — то есть отличать тушенку в кладовке от бумажки в кошельке. И это умение, поверьте, спасет вас в тот день, когда бумажки перестанут быть деньгами.

Вы перестанете быть заложником денежной гонки — той беличьей беготни, где выиграть нельзя, а проиграть страшно. Вы выйдете из колеса. И обнаружите, что мир за его пределами существует.

Вы сможете диагностировать, в какой экономической эпохе живет ваша страна, ваша профессия, ваша семья — и даже вы сами. Ибо каждая эпоха имеет свои признаки, свои болезни и свои лекарства.

И главное — вы получите инструменты. Не готовые ответы — ибо готовые ответы удел рабов, — а инструменты. Для **трезвости** — чтобы видеть мир без розовых очков и без черных завес. Для **устойчивости** — чтобы не рассыпаться при первом же дуновении кризиса. Для **процветания** — чтобы не просто выживать, а жить, и жить хорошо,

насколько это вообще возможно для человека.

Не ждите чуда. Чуда не будет. И не потому, что я жесток, а потому, что чудеса — удел сказок, а не реальности. Реальность требует работы. Не веры, не надежды, не молитвы — а именно работы. Вашей работы.

Книга дает карту. Только карту. Не компас, не провожатого, не носильщика. Карту. Идти — вам. Каждый шаг — ваш. Каждый поворот — ваш. Каждая ошибка — ваша. И каждая победа — тоже ваша.

Если вы готовы к этому — если вы не ищете легких ответов и не ждете, что кто-то решит за вас ваши проблемы, — тогда эта книга для вас.

А если не готовы — закройте ее сейчас. Ибо нет ничего печальнее зрелища человека, который требует от книги чуда, а получает работу. Не будьте этим человеком, потому что все построения основаны на **Гуманитарном методе**.

А теперь — переверните страницу.

Глава первая ждет. Та самая, с которой начинается фундамент. Та самая, без которой все остальное — пустое. Та самая, после которой возврата к прежнему невидению уже не будет.

Итак — переворачивайте. И да поможет вам не Бог — ибо Богу нет дела до наших кладовок, — а ваш собственный разум. И ваш карандаш. И ваша готовность мыслить.

Часть I. Как устроена экономика на самом деле

Глава 1. От животного к человеку: происхождение экономического субъекта

Начнем с начала. С самого начала. Не с середины, не с конца, не с того удобного места, откуда приятно оглядываться на пройденный путь, а с той самой точки, где пути еще не было.

До того как появились деньги. До того как появились запасы. До того как появилась культура. До того как появился человек.

Было животное.

Не в том смысле, какой вкладывают в это слово биологи, когда показывают на обезьяну и говорят: «вот ваш предок». И не в том смысле, какой вкладывают моралисты, когда хотят оскорбить ближнего. А в том смысле, какой единственно важен для понимания экономики: в смысле **способа существования**.

Вот как живет любое животное. Любое. От той ничтожной

амебы, что ползет по капле воды, до того величественного слона, что мерно шагает по африканской саванне. Разница в размерах и сложности не меняет сути.

Оно все время что-то ищет.

Еду. Воду. Партнера для продолжения рода. Убежище от холода и хищника. Лекарство — да, животные лечатся, не читавши Галена, травой, глиной, минералами, ибо инстинкт древнее любой науки.

Нашел — удовлетворил потребность. Живет дальше. До следующего поиска.

Не нашел — погиб. Исчез. Растворился в той самой природе, которая его породила и тут же забыла о нем.

Все. Никаких сложностей. Никаких ограничений, которые говорили бы: «это можно, а это нельзя». Никаких запасов, отложенных на черный день. Никаких долгов, обязательств, контрактов, процентов и производных финансовых инструментов.

Это и есть **естественная потребность**. И она, эта потребность, есть фундамент, на котором стоит все живое — от бактерии до кита. И только человек, этот странный, больной, одержимый зверь, попытался от нее уйти. Удалось ли ему — увидим дальше.

Итак, дадим определение — четкое, как лезвие, и простое, как удар молота.

Естественная потребность есть потребность, удовлетворение которой необходимо для существования

субъекта, причем это «что-то» можно только найти.

Обратите внимание. Не произвести. Ибо производство есть искусственное действие, требующее культуры, орудий и времени, которого у животного нет. Не обменять. Ибо обмен предполагает другого, а другой в диком состоянии есть либо добыча, либо угроза, но не контрагент. Не получить по праву. Ибо права — эта тонкая паутина, сотканная людьми для людей, — в мире животных не существуют.

Ключевое слово — **найти**.

ты — животное, существо, подчиненное этой древней механике, — либо находишь это, либо нет.

Удовлетворил — жив.

Не нашел — погиб.

Никакого третьего. Никакого «отложу на завтра». Никакого «поделюсь с соседом в надежде на ответную услугу». Никакого «заработаю деньги и куплю потом». Все это — поздне, хрупкие, в высшей степени сомнительные изобретения человека. А в начале — была только эта жестокая, но честная дихотомия: найти — или погибнуть.

Запомните это определение. Ибо вся дальнейшая экономика — от первой пещеры до последнего биткоина — есть не что иное, как бегство от этой дихотомии. Удачное или нет — покажет история. Но чтобы понять бегство, нужно знать, откуда бегут. Теперь вы знаете.

Пример первый. О голодном охотнике. Или о том, как поиск становится вопросом жизни и смерти.

Представьте себе охотника в лесу. Не современного, с карабином, оптическим прицелом и спутниковым навигатором, который подскажет, где дичь. А древнего. С копьем. Или, если угодно, вовсе без копья — с одним лишь камнем в руке и голодом в утробе.

Он голоден. Это есть **естественная потребность** — одна из тех, о которых мы говорили выше. Ему нужно найти еду. Не произвести, не обменять, не купить — а именно найти, ибо ничего другого в этом мире не существует.

Он идет по лесу. Смотрит на землю — нет ли следов, не пробежал ли зверь. Вслушивается — не треснет ли ветка под чужой осторожной ногой. Внюхивается — не пахнет ли добычей, не доносит ли ветер запах пота и шерсти.

Он ищет.

Если он найдет — убьет, съест, насытится. Потребность удовлетворена. Он живет дальше, до следующего голода.

Если не найдет — будет искать дальше. Но силы человеческие, увы, не бесконечны. Голод ослабевает, мышцы теряют упругость, взгляд мутнеет. В какой-то момент он уже не может искать. Падает. Умирает.

Не нашел — погиб.

Никакой хитрости. Никакого «я схожу в магазин» — ибо магазинов нет. Никакого «у меня есть запас в холодильнике» — ибо холодильник есть плод культуры, а здесь культуры еще нет. Только поиск. И результат поиска: либо да, либо смерть.

Пример второй. О жаждущем в пустыне. Или о том, как вода не терпит отлагательств.

Представьте себе человека в пустыне. Или, если угодно, просто в степи в пору засухи, когда солнце выпило все ручьи и высушило все лужи.

Он хочет пить. Это **естественная потребность** — и одна из самых мучительных, ибо жажда не ждет. Ему нужно найти воду.

Он идет. Смотрит — нет ли впадины, где могла собраться дождевая вода, если дождь вообще был в этом проклятом месте. Следит за птицами — они, глупые, но верные проводники, всегда летят к воде. Роет песок в низинах, надеясь на влажный слой.

Он ищет.

Если найдет — напьется, утолит ту жгучую сухость, что раздирает горло. Потребность удовлетворена. Он живет дальше.

Если не найдет — будет искать. Но жажда, скажу вам, сильнее голода. Голодный может продержаться недели, а то и месяцы. Жаждущий — нет. Без воды человек умирает за несколько дней. Не нашел — погиб.

И вот что здесь важно, что надлежит запомнить накрепко: никакой запас воды его не спасет, если он не нашел источник. Ибо запас — это уже культурное поведение, предполагающее предвидение, кладовку и умение откладывать. А здесь — дикое. Естественное. Первозданное. Ты либо нахо-

дишь воду здесь и сейчас, либо умираешь. Третьего не дано.

Пример третий. О замерзающем в холоде. Или о том, что тепло не производят, а находят.

Представьте себе человека в тундре. Или в горах, где даже летом ночью дышит ледяной ветер. Температура падает. Ветер пронизывает до костей. Снег залепляет глаза.

Он замерзает. Это **естественная потребность** — потребность в тепле, в том, чтобы сохранить ту драгоценную теплоту тела, без которой жизнь угасает, как свеча без кислорода. Ему нужно найти укрытие.

Он ищет. Пещеру, вымытую водой в скале. Навес из камней, упавших друг на друга. Густую крону векового дерева — лишь бы что-то, что защитит от ветра, остановит этот бесконечный град морозных игл.

Он ищет.

Если найдет — заберется внутрь, свернется калачиком, переждет, согреется чужим дыханием и собственным теплом, отраженным от стен. Потребность удовлетворена. Он живет дальше.

Если не найдет — будет искать. Но холод, этот безжалостный палач, скручивает мышцы, замедляет мысли, усыпляет бдительность. В какой-то момент он уже не может идти. Замерзает. Умирает.

Не нашел — погиб.

И снова обратите внимание: он не может «произвести» тепло — ибо для производства нужны орудия и культура.

Не может «обменять» что-то на укрытие — ибо не с кем менять, да и нечем. Не может «купить» шубу — ибо денег нет, а шубы не сшиты. Он может только найти то, что уже есть в природе. Или умереть. Выбор, достойный философа, но не радующий сердце.

Пример четвертый. О больном без лекарства. Или о том, что и змеинный укус лечат не в аптеке.

Представьте себе человека, которого укусила змея. Или который съел ядовитый гриб, приняв его за съедобный. Или у которого открылась рана на охоте — когтем, зубом, острым камнем — и началось заражение, то самое гниение, что ведет к лихорадке и смерти.

Он болен. Это **естественная потребность** — потребность в исцелении, в том, чтобы остановить разрушение плоти, пока оно не стало необратимым. Ему нужно найти лекарство.

Он ищет. Те самые травы, которые, как он заметил еще в детстве, жуют раненые животные — и выздоравливают. Ту глину, которая тянет яд из раны, если приложить ее свежей. Воду, чтобы промыть, очистить, смыть заразу. Те листья, которые прикладывают к опухоли, и опухоль спадает.

Он ищет.

Если найдет — приложит, выпьет, промоет, перевяжет. Потребность удовлетворена. Он живет дальше.

Если не найдет — будет искать. Но болезнь, этот внутренний враг, прогрессирует быстрее, чем внешний. Слабость

нарастает, жар затуманивает разум, суставы перестают слушаться. В какой-то момент он уже не может искать. Умирает.

Не нашел — погиб.

И снова — нет аптеки. Нет врача с дипломом. Нет лекарств, произведенных на фармацевтическом заводе, расфасованных в блистеры и снабженных инструкцией. Есть только то, что можно найти в природе. Или смерть.

Таков мир естественной потребности. Мир, в котором человек — всего лишь животное, ищущее. И умирающее, если не находит. Запомните этот мир. Ибо без него вы не поймете ничего из того, что будет дальше.

Теперь, когда мы прошли сквозь эти четыре картины — голодного охотника, жаждущего в пустыне, замерзающего в горах и больного, ищущего траву, — спросим себя: что в них общего? Ответ прост, как удар дубины, и глубок, как колодец.

Общее — вот оно, перед вами.

В каждом примере:

Есть **потребность**, которая требует **немедленного удовлетворения**. Не терпит отлагательств, не ждет завтрашнего дня, не слушает уговоров. Хочет сейчас, ибо завтра может быть поздно.

Единственный способ удовлетворить эту потребность — **найти** нужное в окружающей среде. Не произвести, не обменять, не купить, не получить по наследству. А именно найти

— там, где оно уже лежит, растет, бежит или течет.

Если нашел — жив. Если не нашел — погиб. Никаких полумер. Никаких «почти», «немного», «в следующий раз». Дихотомия, не знающая исключений.

И — внимание, это самое важное — **нет запасов.** Нет кладовки, нет холодильника, нет амбара. Нет производства — ибо производство требует времени, орудий и культуры. Нет обмена — ибо обмен предполагает другого, а другой в этом мире есть либо помощь, либо угроза. Нет денег — этих раскрашенных фантиков, которые появятся много тысяч лет спустя. **Нет культуры** — в том смысле, какой мы вкладываем в это слово.

Это — ноль. Точка отсчета. Состояние, из которого вышла — или, точнее, из которого попыталась выйти — вся экономика.

Ибо человек, это странное, беспокойное, недовольное своей участью животное, оказался единственным существом на планете, которое сумело **прервать** эту логику. Единственным, кто посмотрел на дихотомию «найди или умри» и сказал: нет.

И сказал он примерно следующее — не словами, ибо слов еще не было, а тем древним, безъязыким инстинктом, который древнее любой речи:

«Я не буду искать каждый раз. Я не буду зависеть от того, что попадается мне на пути сегодня. Я отложу часть того, что нашел, на потом. Я сделаю запас. Я

буду терпеть нужду сейчас — недоедать, недопивать, мерзнуть чуть дольше, — чтобы не искать потом. И тогда, когда наступит день, когда нечего будет найти, я выживу. А те, кто не сделал запаса, — умрут».

Вот это решение — быть может, самое великое решение в истории человечества — и есть начало экономики. Не обмен, не производство, не деньги, как учат в учебниках. А **запас**. Отложенная, законсервированная, спрессованная во времени жизнь.

И с этого момента наш рассказ о шести экономических эпохах обретает свой подлинный предмет. Ибо каждая эпоха — это ответ на один и тот же вопрос: как мы делаем запасы? Как мы прерываем дихотомию «найди или умри»? И какие новые проблемы порождает наше решение?

Но это — впереди. А пока — запомните эту точку отсчета. Ибо тот, кто забывает, откуда он вышел, никогда не поймет, куда идет.

Осознание риска рождает культурное ограничение

Представьте себя на месте того самого охотника из предыдущей главы. Того, что с копьем (или без копья) бродил по лесу в поисках добычи. Представьте — не умозрительно, не академически, а так, как представляют собственную смерть: всерьез, с холодком в животе и тяжестью в затылке.

Вы нашли добычу. Убили. Съели. Насытились. Хорошо. Превосходно. Животный цикл завершен: поиск — находка — насыщение — покой.

Но что дальше?

Завтра вы снова захотите есть. Не потому, что вы слабы, а потому, что желудок ваш, этот безжалостный тиран, не знает выходных и праздников. И вы снова пойдете искать. И снова рискнете не найти. И снова будете стоять на краю той самой пропасти, где на одной стороне написано «нашел», а на другой — «погиб».

В какой-то момент — если вы, конечно, человек, а не животное, то есть если ваш мозг дорос до того проклятого дара, который называется «предвидение», — вас посещает мысль.

Страшная мысль.

Осознание.

Вот она, эта мысль, простая, как удар сердца, и ужасная, как удар ножа:

«А что, если завтра я не найду?»

Вот она. Точка бифуркации.

Момент, когда животное становится человеком. Или не становится. Ибо животные, как бы мы ни хотели их очеловечить, этого не осознают. Они живут сегодняшним днем. У них нет «завтра» — в том человеческом, полном тревоги и надежды смысле. У них есть только «сейчас». Сейчас голоден — сейчас ищу. Сейчас сыт — сейчас сплю. Никакого «а что будет, когда я проснусь?»

А у человека — есть. И это «есть» есть одновременно его величайшее преимущество и его вечное проклятие.

И это осознание риска — риска не найти, не удовлетворить потребность, погибнуть не сегодня, так завтра, или послезавтра, или через неделю, когда кончатся силы, — это осознание рождает **культурное ограничение**.

Оно формулируется просто. Я бы даже сказал — жестоко просто. До такой степени просто, что ребенок поймет, а профессор — нет, ибо профессор привык к сложностям, за которыми удобно прятать собственную пустоту.

Вот оно:

«При употреблении не должно искать».

Звучит как запрет. Как табу. Как команда, отданная неизвестным голосом из неизвестной тьмы.

Но это не команда. Это **открытие**. Открытие, сделанное тысячекратным опытом тех, кто искал — и не нашел. Тех, кто умер. Тех, чья кровь впиталась в землю, чтобы удобрить собою мысль выживших.

Если ты употребляешь — значит, у тебя уже есть то, что ты употребляешь. Ты не должен в этот момент искать. Потому что если ты ищешь — значит, у тебя нет. А если у тебя нет — ты не употребляешь, а ищешь. И рискуешь. И стоишь на краю той самой пропасти, где «не нашел» равно «погиб».

Культурное ограничение — это не мораль. Я настаиваю на этом, ибо мораль — удел священников и философов-идеалистов, а здесь мы имеем дело с вещами куда более грубыми.

Это структурная необходимость. Это способ выжить. Не в сегодня — ибо сегодня, возможно, вы и так сыты. А в завтра. В то самое завтра, которого нет у животного и которое есть у человека. И которое убьет человека, если он не подготавливается.

Запомните это культурное ограничение. Ибо вся дальнейшая экономика — от первой кости, отложенной про запас, до последнего биткойна, зашифрованного в блокчейне, — есть не что иное, как история того, как человечество училось соблюдать этот запрет. Или, напротив, училось его нарушать. И платило за нарушение. Своей жизнью. Или жизнью своих детей.

Пример первый. О еде из холодильника. Или о том, как вчерашний поиск спасает сегодняшнее употребление.

Начнем с самого простого примера. Близкого. Бытового. До такой степени обыденного, что именно эта обыденность и мешает нам увидеть его глубинную структуру.

Вы приходите домой голодным. Открываете холодильник. Там есть еда. Вы ее разогреваете. Едите.

Вы ищете? Нет. Вы уже нашли. Вчера. Или позавчера. Или в субботу, когда ходили в магазин с тележкой и списком. Или еще раньше, когда готовили — варили, жарили, пекли, превращая сырые продукты в то, что можно съесть без дальнейшей обработки.

В момент употребления — в тот самый момент, когда че-

люсти движутся, а язык чувствует вкус, — вы не ищете. Потому что запас уже был создан. Потому что поиск случился раньше. Потому что вы, сами того не замечая, подчинились великому культурному ограничению: «при употреблении не должно искать».

А теперь представьте обратное. Представьте — и содрогнитесь, ибо это состояние знакомо каждому, кто хоть раз задерживался на работе.

Вы приходите голодным. Открываете холодильник. Там пусто. Ни куска. Ни крошки. Только запах вчерашней еды, который дразнит и мучает.

Что вы делаете? Начинаете искать. Звоните в магазин — работает ли? Бежите туда, натягивая куртку на ходу. Стоите в очереди, переминаясь с ноги на ногу. Ищете, где есть хлеб, где молоко, где мясо — ибо даже в магазине, в этом храме изобилия, не все есть сразу.

В этот момент вы не употребляете. Вы ищете. И культурное ограничение нарушено. Не потому что вы плохой человек — мораль здесь ни при чем. Не потому что вы ленивы или расточительны. А потому что у вас нет запаса. И потому вы — в опасности. Голод не спрашивает дипломов.

Осознание этого риска — этой холодной, липкой мысли «а вдруг завтра холодильник будет пуст?» — заставляет вас делать запасы. Создавать такое состояние, при котором в момент употребления поиск не нужен. Вот почему вы покупаете две пачки масла, когда нужна одна. Вот почему у вас в

морозилке лежит лишняя пельменная. Вы не жадны. Вы — культурны.

Пример второй. О лекарствах в домашней аптечке. Или о том, как головная боль не ждет, пока вы дойдете до аптеки.

У вас болит голова. Или поднялась температура — та самая, что ознобом пробирает до костей. Или вы порезали палец, и кровь течет, а боль стреляет в плечо.

Вы идете к аптечке. Открываете. Достаете таблетку, бинт, пластырь. Применяете.

Вы ищете? Нет. Вы уже нашли. Когда купили лекарства заранее — не в тот момент, когда голова уже раскалывалась, а в спокойный, мирный день, когда аптека была по пути. Когда положили их в аптечку — в то священное место, куда складывают на черный час. Когда проверили, что срок годности не истек — ибо просроченное лекарство есть не лекарство, а мусор.

В момент употребления — когда боль отступает или кровь останавливается — поиска нет. И вы, сами того не замечая, благодарите свое прошлое «я», которое потрудились заранее.

А теперь представьте, что аптечка пуста. Пуста, как кошелек до зарплаты. У вас температура 39. В глазах двоится. Нужно лекарство — и нужно сейчас, ибо жар не шутит.

Что вы делаете? Ищете. Бежите в круглосуточную аптеку — если она вообще есть в вашем районе. В третью. В пятую.

Тратите время, нервы, последние силы, которые еще не сожрала болезнь.

Вы не употребляете. Вы ищете. И риск — не найти, не успеть, умереть от того, что можно было вылечить за двадцать рублей, — становится реальным. Осязаемым. Почти видимым.

Осознание этого риска заставляет вас держать аптечку. Не потому что вы мнительный ипохондрик, который видит болезни на каждом шагу. А потому что вы культурный человек. Который понял — не умом даже, а тем древним, спинномозговым пониманием, которое глубже всякой теории, — что **при употреблении не должно искать.**

Пример третий. О запасе дров перед зимой. Или о том, как летнее терпение спасает от зимней смерти.

Представьте деревенский дом. Не тот, где газовое отопление и пластиковые окна, а настоящий, с печью, с тягой, с запахом дыма, который въедается в вещи навсегда.

Зима. Мороз — тот самый, от которого трескаются стволы деревьев, а пар изо рта превращается в лед. Вы просыпаетесь — в доме холодно, так холодно, что одеяло не спасает, а дыхание стелется белым облаком.

Вы идете к поленнице. Берете дрова. Топите печь.

Вы ищете? Нет. Дрова уже там. Вы заготовили их летом — в те длинные, светлые дни, когда работать не хотелось, а хотелось лежать в тени и пить квас. Напилили, накололи, сложили — каждое полено на свое место, чтобы не искать

потом.

В момент употребления — когда печь разгорается, а тепло начинает растекаться по комнате — поиска нет. И это тепло, которое вы чувствуете кожей, есть награда за ваше культурное поведение.

А теперь представьте, что поленница пуста. Пуста, как амбиции усталого чиновника. Мороз. Снег — по колено, по пояс, по шею. Дров нет.

Что вы делаете? Идете в лес. Ищете сухостой — те самые мертвые деревья, которые можно пилить без угрызений совести. Пилите — в рукавицах, которые примерзли к рукам. Тащите на себе — по сугробам, падая, поднимаясь, снова падая. Мерзнете. Рискуете не успеть, замерзнуть там, в лесу, с пилой в руке, до того как замерзнете дома.

Вы не топите печь. Вы ищете. И культурное ограничение нарушено. И вы — в опасности. Настоящей, не метафорической опасности, которая называется «смерть от переохлаждения».

Осознание этого риска — «а вдруг зимой не будет дров?» — заставляет вас заготавливать их летом. Терпеть нужду в тепле (ибо летом тепло и без печки, и дрова лежат мертвым грузом, которым не хочется заниматься). Потеть. Ругаться. Набивать мозоли. Всё для того, чтобы в мороз — не искать.

Пример четвертый. О деньгах на черный день. Или о том, как суррогат подчиняется той же логике.

Этот пример — самый сложный. Ибо здесь запас — не

товар, не дрова, не лекарства, а суррогат. Деньги. Те самые раскрашенные фантики, которые сами по себе не греют, не кормят, не лечат. Но логика — та же. Не похожая, не аналогичная, а именно та же. Ибо культурное ограничение не различает природу запаса. Оно различает только одно: есть запас — нет поиска. Нет запаса — есть поиск.

У вас есть «подушка безопасности». Накопления. Деньги на черный день. Те самые, которые вы откладывали понемногу — тысячу, пять тысяч, десять — когда казалось, что черный день никогда не наступит.

Случилось что-то — сломалась машина, заболел зуб, уволили с работы. Вы идете в банкомат, снимаете деньги, платите.

Вы ищете? Нет. Вы уже нашли. Когда работали, откладывали, копили. Когда отказывали себе в лишней чашке кофе, в новом платье, в том отпуске, который так хотелось. В момент употребления — когда машина починена, зуб вылечен, а вы не остались на улице — поиска нет.

А теперь представьте, что подушки безопасности нет. Ноль. Пусто. Сломалась машина — а денег нет. Зуб заболел — а денег нет. Уволили — а денег нет.

Что вы делаете? Ищете. Занимаете у друзей — ибо друзья, как известно, хороши до первого раза. Берете кредит — ибо кредит есть не что иное, как поиск денег у тех, у кого они есть, с обещанием вернуть больше. Бегаєте по микрозаймам — этим легальным ростовщикам, которые сдирают шкуру с

голодного. Продаете вещи — те самые, которые когда-то казались необходимыми, а теперь идут за бесценок.

Вы не чините машину. Вы не лечите зуб. Вы не живете. Вы ищете. И риск — не найти, остаться без машины, без работы, без всего, на улице, в той самой пропасти, где «не нашел» равно «погиб» (пусть и не сразу, пусть через месяц-другой, но погиб) — становится реальным. Осязаемым. Почти вкусовым.

Осознание этого риска — того самого, который экономисты называют «нерациональным», а бабушка — «страхом Божьим», — заставляет вас копить. Терпеть нужду сейчас — не купить лишнюю вещь, не съездить в отпуск, не купить тот самый телефон, который реклама назвала «вашим» — чтобы не искать в кризис.

Вот что такое культурное ограничение. Оно не приходит извне. Оно рождается внутри. Из страха. Из опыта. Из памяти тех, кто не нашел — и погиб. И передается — от бабушки к матери, от матери к вам — как единственное надежное наследство.

Почему это ограничение — культурное, а не биологическое

Ответ прост, как удар, и глубок, как могила.

Потому что биология не знает слова «потом».

Биология — эта древняя, жестокая, безжалостная госпо-

жа — требует **сейчас**. Немедленно. эту секунду. Голоден — ешь. Холодно — грейся. Больно — лечись. Страшно — беги. Никаких отлагательств. Никаких «подожди до завтра». Никаких «я отложу на черный день».

Биология не знает будущего. Она знает только настоящее. Ибо для животного, которое не осознает риска, будущее не существует. Есть только этот миг — и следующий, которого может и не быть.

Культура говорит иное. Культура — это голос того, кто увидел смерть и ужаснулся. Культура шепчет, а иногда и кричит: «Потерпи. Сделай запас. Ограничь себя сейчас — чтобы **потом**, когда наступит час нужды, ты не искал, а брал готовое».

Это требует способности, которой животное не обладает. А именно: **способности к отсроченному удовлетворению**. Способности терпеть нужду — терпеть голод, когда можно было бы съесть, терпеть холод, когда можно было бы согреться, терпеть жажду, когда можно было бы напиться. Способности думать о будущем — о том самом будущем, которого нет для животного и которое есть для человека. И которое убьет человека, если он о нем не подумает.

Животные этого не умеют. Да, есть несколько видов — белки, пчелы, муравьи, — которые делают запасы. Но они делают это **инстинктивно**, как повинуются программе, вшитой в их нервную систему тысячелетиями эволюции. Они не осознают риск. Они не говорят себе: «а вдруг зимой не бу-

дет еды?» Они просто тащат орехи, потому что так заведено. Это не культура. Это биология, принявшая хитрую форму.

Человек умеет. Потому что человек **осознал риск**. Потому что он увидел — своими глазами, на крови своих сородичей, — что завтра можно не найти. И потому он создал культурное ограничение. Не инстинкт, не рефлекс, не генетическую программу, а именно ограничение — то есть нечто, что можно нарушить, но невыгодно, ибо нарушение ведет к гибели.

О том, что будет, если нарушить ограничение. Или о том, почему поиск есть лотерея, а лотерею можно проиграть.

Теперь — о последствиях. Ибо всякое ограничение имеет смысл только в свете того, что случается при его нарушении.

Нарушить культурное ограничение — значит начать искать в момент употребления. Значит открыть холодильник и не найти еды. Значит схватиться за голову от боли и обнаружить пустую аптечку. Значит проснуться в мороз и увидеть пустую поленницу. Значит попасть в кризис и понять, что подушка безопасности — это не подушка, а пустота.

Это — не грех. Я настаиваю на этом, ибо моралисты любят превращать всякую ошибку в грех, чтобы иметь власть над совестью. Это не преступление. Ибо преступление есть нарушение закона, а закон писан людьми, а здесь мы имеем дело с законом, писанным жизнью.

Это — опасность. Чистая, неприкрытая, смертельная

опасность.

Потому что если вы ищете — вы **не гарантированы**, что найдете. А если не найдете — вы погибнете. Может быть, не сегодня, может быть, не завтра, может быть, через месяц мучительного голода, но погибнете. Ибо организм, лишенный того, что ему нужно, не бесконечен.

Культурное ограничение — это страховка. Не в том мелком, бытовом смысле, какой придают этому слову страховые агенты, а в самом прямом, самом грубом, самом древнем смысле: это способ сделать удовлетворение потребности **гарантированным**.

Гарантия — вот что дает культурное ограничение. Именно за эту гарантию, за это обещание «ты не умрешь от нехватки» человек платит свою цену: терпит нужду сейчас, тратит время на создание запаса, ограничивает свои сегодняшние желания.

А поиск гарантии не дает. Поиск — это лотерея. А лотерею можно выиграть. А можно проиграть. И ставка в этой лотерее — ваша жизнь.

Вот почему культурное ограничение — не прихоть, не традиция, не предрассудок, который можно отбросить во имя прогресса и свободы. Это структурная необходимость. Это условие выживания в мире, где завтра может не быть того, что есть сегодня. И тот, кто этого не понял, — либо животное, либо очень молод, либо очень глуп. Или, что чаще всего, воспитан экономистами.

Культурное условие и культурная потребность: делать запасы

Или как вопрос «что я сделал?» порождает экономику

Мы уже знаем: культурное ограничение гласит — сурово, неумолимо, как на скальной надписи, выбитая кровью и углем, — **«при употреблении не должно искать»**.

Хорошо. Превосходно. Но как, спрашивается, человек приходит к тому, чтобы это ограничение соблюдать? Не через страх — ибо страх парализует, а не созидает. Не через приказ — ибо приказ, пришедший извне, всегда можно нарушить, если никто не видит. Не через инстинкт — ибо инстинкт есть удел животных, а здесь мы имеем дело с тем, что животное недоступно.

А через **вопрос**.

Самый человеческий вопрос из всех. Тот самый, который отделяет мысль от судороги, культуру от природы.

О вопросе, который меняет всё. Или о том, как животное забывает, а человек вспоминает.

Представьте себе ситуацию. Ту самую, в которой оказывался каждый из нас — и не замечал этого, ибо привычка, эта великая убийца удивления, застилает глаза.

Вы голодны. Вы взяли еду. Вы съели. Вы сыты.

И в какой-то момент — может быть, сразу, облизывая пальцы; может быть, чуть позже, откинувшись на спину и глядя в небо; может быть, ночью, когда сон не идет, а мысли ворочаются, как камни, — вы задаете себе вопрос.

Вот он. Вопрос, которого нет у животного. Вопрос, который не снился ни одной белке и ни одному волку. Вопрос, который есть только у человека — и который сделал человека человеком.

«Что я сделал?»

Не «что я съел?» — это знает и корова. Не «где я нашел?» — это помнит и собака. А именно: **«Что я сделал такое, что желание употребить было удовлетворено без поиска?»**

Станный вопрос, не правда ли? Непрактичный. Отвлеченный. Почти философский. Какой толк в нем, когда живот полон, а завтрашний день еще не наступил?

Животное его не задаст. Животное просто съело и забыло. У него нет рефлексии — той проклятой, но спасительной способности оборачиваться назад и спрашивать себя: «как это вышло?» Животное живет в вечном сейчас. Нашел — съел. Съел — забыл. Забыл — ищет снова.

Человек — задает. Потому что человек хочет **понять**. Ему, этому беспокойному, недовольному своей участью существу, недостаточно простого насыщения. Ему нужно знать, почему это сработало. Чтобы повторить. Чтобы гарантировать. Чтобы завтра, когда голод придет снова, не бросаться в поиск с закрытыми глазами, а спокойно, как господин, взять то, что уже есть.

И вот тут — внимание, ибо здесь происходит главное — приходит ответ.

Удовлетворенность без поиска возникла не по мановению волшебной палочки. Не потому, что боги сжалились. Не потому, что повезло. А потому, что — и это звучит странно, но вдумайтесь — **обнаружилось что-то недоупотребленное.**

Что это значит? Растолкую, ибо понятие это — «недоупотребленное» — есть ключ к дверям, которые экономисты даже не заметили.

Это значит, что в какой-то прошлый раз — может быть, вчера, может быть, неделю назад, может быть, в прошлом месяце, — вы нашли больше, чем смогли употребить. Больше, чем требовалось для утоления вашей тогдашней нужды. Что-то осталось. Излишек. Остаток. То, что не вошло в вас, не сгорело в топке вашего тела, не превратилось в тепло и движение.

И теперь, когда вы голодны, вы не ищите — вы берете это оставшееся. Это недоупотребленное.

Вы не заметили этого в тот момент. Вы не ставили себе целью. Вы просто нашли добычу побольше, чем могли съесть. Употребили часть — ту, что требовалась для насыщения. А остальное — бросили, забыли, оставили лежать.

Но остальное не исчезло. Оно не растворилось в воздухе, не превратилось в прах, не утекло в землю. Оно **ждало**. Лежало там, где вы его оставили. Терпеливо. Безропотно.

И теперь, в час нужды, когда поиск сулит смерть, а гарантий нет, — оно спасло вас. От поиска. От риска. От лотереи.

От той самой пропасти, где «не нашел» равно «погиб».

Из этого открытия — из этого «ага!», из этого внезапно-го озарения, что удовлетворенность без поиска приходит от недоупотребленного, — рождается ответ.

Не рекомендация. Не совет. Не мудрое пожелание, которым можно пренебречь без особого ущерба. А **ответ** — в том самом, жестком, почти математическом смысле: если А, то Б.

Вот он. Сформулирую его так, как он отчеканилось в сознании первых людей, еще не умевших писать, но уже умевших выживать.

Если удовлетворенность без поиска возникает из-за того, что в прошлый раз я употребил не всё найденное, — значит, мне нужно использовать в употреблении сразу только часть найденного.

Оставить. Не доедать. Не дотрачивать. Не дожигать. Остановиться на полпути. Сказать себе: «хватит. Остальное — на потом».

Это и есть **культурное условие**. То самое, без которого все остальное — пустой звук.

Признаюсь: это правило звучит странно для современного уха. Более того — оно звучит оскорбительно для современного образа жизни. Ибо современный человек, этот дитя рекламы и кредитных карт, привык к иному.

Он привык: **нашел — съел**. Добыл — истратил. Получил зарплату — в тот же день заказал пиццу, купил новую вещь,

оплатил подписку на сервис, который не использует.

Он привык: **заработал — потратил**. Ибо кругом твердят, что экономика растёт только тогда, когда люди тратят. Что сбережения — это зло. Что деньги должны работать, а не лежать под матрасом.

Он привык: **получил — использовал**. Новый телефон — сразу включил, старый — выбросил. Новое платье — сразу надела, старое — отдала. Никаких «оставлю на потом», ибо «потом» будет новое, лучшее, более совершенное.

А здесь — наоборот. Прямо противоположное. Полная инверсия всех современных ценностей.

Добыл мамонта — съешь половину, остальное сохрани. Получил зарплату — отложи десятую часть, даже если очень хочется потратить.

Заработал — не трать всё. Ибо тот, кто тратит всё, превращает себя в дикаря, живущего одним днём. А дикарь, напомню, не имеет завтра.

Почему? Зачем эта мука самоограничения?

Потому что — слушайте внимательно, ибо здесь корень всего — эта «недоупотреблённая часть», этот остаток, этот излишек, который вы не пожрали, не пропили, не прожгли, есть **будущая гарантия**.

Это **зародыш запаса**. Та самая первая клетка, из которой вырастет целая кладовка. Та самая искра, из которой разгорится огонь экономики.

Это то, что позволит вам в следующий раз — когда вы

будете голодны, холодны, больны или в беде — **не искать**. Прийти, открыть, взять, употребить. Без поиска. Без риска. Без лотереи. С гарантией.

Вот что такое культурное условие. Оно не требует от вас героизма. Не требует аскезы. Не требует превращения в монаха-отшельника. Оно требует только одного: в момент изобилия помнить о моменте нужды. В момент сытости помнить о грядущем голоде. В момент тепла помнить о холоде, который придет — и придет обязательно, ибо зима не спрашивает разрешения.

Современный человек это забыл. Экономисты это забыли. Реклама делает всё, чтобы мы это забыли. Но бабушка — помнит. И кладовка ее — полна.

Кто-то думает, что всё сказанное относится только к домашнему хозяйству, а в большом бизнесе — другие законы. Нет. Законы те же. Ибо экономика едина.

Завод производит детали. Может работать ровно по заказу: сколько заказали — столько сделали. Точно в срок. Ни больше ни меньше. Так учат современные системы менеджмента — just-in-time, бережливое производство, никаких складов.

Но умный завод — тот, который помнит о культурном условии, даже если не называет его так, — делает чуть больше. Оставляет на складе. Страховочный запас. Те самые несколько процентов сверх заказа.

Почему? Потому что если заказчик придет с дополни-

ем — а он придет, ибо клиенты непредсказуемы, — не нужно будет перезапускать станки, искать сырье, нанимать рабочих в сверхурочное время, молиться, что успеют. Достаточно взять со склада. Достаточно открыть кладовку — ту самую, заводскую кладовку, которая ничем не отличается от бабушкиной.

Завод не произвел ровно столько, сколько нужно сегодня. Он произвел чуть больше. Оставил «недоупотребленное». Не доделал ровно под заказ — сделал с запасом.

И это позволяет ему в будущем — когда заказчик позволит и скажет: «нам нужно еще сто штук, и прямо вчера» — не искать. Не бегать, не суетиться, не рисковать. А спокойно взять со склада. Употребить без поиска.

Вот что такое культурное условие. Оно не знает границ между частной жизнью и промышленностью, между пещерой и заводом, между бабушкой и корпорацией. Оно одно. И действует везде. Ибо везде один и тот же страх — не найти завтра. И один и тот же ответ — оставить сегодня.

Культурное условие

Культурное условие, как мы уже знаем, есть правило. Правило жесткое, суровое, выкованное опытом. Звучит оно так: **«Используй в употребление сразу только часть найденного»**. Не доедай. Не дотрачивай. Не дожигай.

Но правило, заметьте, есть правило. Оно не обладает собственной карающей силой. Его можно нарушить. Можно съесть всё сегодня — и подавиться, но можно. Потратить всё

сейчас — и остаться ни с чем, но можно. Произвести ровно под заказ — и молиться, что завтра ничего не случится, но можно.

Что же, спрашивается, удерживает человека от нарушения? Страх? Отчасти. Расчет? Иногда. Но главное — другое.

Привычка.

А привычка, если дать ей время и питание, становится потребностью. И вот тогда — тогда мы имеем дело с тем, что я называю **культурной потребностью**.

Культурная потребность — это когда вы уже не можете иначе. Не в смысле физической невозможности — язык повернется, руки сделают. А в смысле того глубокого, почти органического отторжения, которое возникает при попытке нарушить правило.

Когда вам **дискомфортно** доедать всё до конца. Не грешно, не стыдно, не страшно — а именно дискомфортно. Как дискомфортно спать в грязной постели, даже если никто не видит.

Когда **пустой холодильник вызывает тревогу**. Не мысль «надо бы сходить в магазин», а именно тревогу — ту самую, животную, древнюю, которая поднимает волосы на загривке и говорит: «опасность».

Когда **двадцать процентов заряда смартфона** — это не просто цифра, не просто результат арифметической операции, а сигнал опасности. Сирена. Вой. Набат.

Вы делаете запас — и это важно, это самое главное — **не потому, что кто-то сказал**. Не мама велела, не правительство обязало, не реклама посоветовала. Не потому, что вы рассчитали выгоду — ибо расчет выгоды есть дело холодное, а здесь горит огонь. А потому что это — часть вас. Ваша культура. Ваша личность. Ваша человечность. То, что отличает вас от животного, которое съедает всё сегодня и не помнит о завтра.

Путь этот долог. Не один день, не один год — поколения. Но в каждом человеке, который усвоил культуру, он повторяется заново. Вот его этапы — нарисуйте их в уме, ибо они есть лестница, по которой мы взойшли из тьмы.

Шаг первый. Открытие.

Вы задаете себе тот самый человеческий вопрос: «Что я сделал такое, что вчера я не искал, а просто взял и употребил?» И находите ответ — ответ, который меняет всё: «Я оставил недоупотребленное. Я не доел. Я не дотратил».

Шаг второй. Условие.

Вы принимаете правило. Сознательно. Пусть не сразу, пусть с сомнениями, пусть после того, как нарушили его пару раз и обожглись. Вы говорите себе: отныне я буду использовать в употребление сразу только часть найденного.

Шаг третий. Действие.

Вы начинаете оставлять. Не доедать. Не дотрачивать. Сначала по указке разума, потом — все легче, потом — почти без усилий запасать.

Шаг четвертый. Потребность.

Вы делаете это, потому что хотите. Рука сама откладывает. Глаз сам оценивает, сколько оставить. Ум уже не участвует — тело помнит.

Шаг пятый. Культурность.

Вы испытываете дискомфорт, когда не оставляете. Когда доедаете всё до крошки. Когда тратите до последнего рубля. Когда производите ровно под заказ, не оставляя страховочного запаса. Вам становится не по себе. Вы чувствуете себя голым, незащищенным, брошенным на милость судьбы. И вы идете и создаете запас — не потому, что надо, а потому что хочется. Потому что не можете иначе, потому что вы **культурный экономический человек**.

Вот что такое культурная потребность.

Это когда внешнее правило — то самое, которое некогда было открыто ценой крови и страха, — становится **внутренним императивом**. Когда «надо» превращается в «хочу». Когда «так правильно» превращается в «так хочется». Когда «иначе умру» превращается в «иначе не могу жить».

Экономисты не понимают этого. Для них потребность — это то, что можно выразить в цифрах. А здесь — цифр нет.

Здесь — культура. Здесь — история. Здесь — душа.

Именно поэтому бабушка делает запасы, а экономист с красным дипломом остается с пустым холодильником. Бабушка прошла эти пять шагов. Экономист — нет. Он учил формулы, а не культуру. И формулы его обманули. А бабушка — нет. Ибо культурная потребность не обманывает никогда. Она — единственная гарантия в мире, где гарантий нет.

Экономика начинается не с труда.

Запомните это. Вызубрите. Вырежьте на дверце своего холодильника, если память слаба. Ибо всё, чему вас учили в школе, в университете, в экономических курсах и бизнес-тренингах, твердит обратное. Труд, труд и еще раз труд — вот источник всех богатств, учили вас. Труд сделал обезьяну человеком, учили вас. Без труда не выловишь и рыбку из пруда, учили вас с детства.

Всё это — правда. Но правда неполная. А неполная правда есть ложь.

Труд — это способ. Средство. Инструмент. Да, без труда не создать запаса, но не всякий запас делается трудом.

Экономика начинается с запаса.

С того самого момента — того самого, который мы проследили от пещеры до завода, — когда человек **не доел** всё, что нашел. Когда **не потратил** всё, что заработал. Когда **не произвел** ровно столько, сколько заказали.

Он оставил. Сознательно или нет, по привычке или по расчету — неважно. Важен факт: часть того, что он имел, не

была употреблена. Она осталась лежать и стало **запасом**.

Отсюда следует переопределение. Революционное. Неприятное для тех, кто привык к старым определениям. А именно:

Экономический человек — это не тот, кто трудится. Трудиться умеет и вол, и раб, и машина.

Экономический человек — это тот, кто **запасает**. Кто создает запас. Кто даже терпит нужду сейчас, но не доедает, не дотрачивает, не дожигает, — чтобы потом не искать. Кто способен на **отсроченное удовлетворение** в самом прямом, самом грубом смысле: не съесть всё сегодня, чтобы съесть завтра, не ища.

Это — определение. Зарубите его на носу, если нос еще свободен от записок.

Животные тоже делают «запасы»

Вы скажете — и будете правы с первого взгляда, но не со второго — «Но ведь животные тоже делают запасы! Белка прячет орехи. Пчелы собирают мед. Хомяк набивает щеки. Значит, экономика есть и у животных?»

Хороший вопрос. Логичный. Даже естественный — для того, кто видит внешнее сходство и не вглядывается в суть.

Но ответ — нет. Категорическое, не подлежащее апелляции нет. Потому что «запасы» животных — это не запасы в нашем, человеческом, культурном смысле. Это нечто иное, внешне похожее, но внутренне противоположное.

Давайте разберемся. По порядку. С беспощадной ясностью.

Что на самом деле делает белка. Или о том, как инстинкт маскируется под рациональность.

Белка собирает орехи. Много орехов. Она бежит, суетится, прячет их в разных местах: под корнями, в дуплах, в земле, в расщелинах коры. Осенью — ее кладовки полны. Зимой — белка их находит. И ест.

Выглядит как запас. Похоже на экономику. Но только выглядит. Только похоже. А по сути — обман зрения.

Вот что происходит на самом деле.

Белка **не помнит**, где спрятала орехи. У нее нет карты. Нет плана. Нет мысленного чертежа с пометкой: «здесь я по-

ложила три ореха, здесь пять, сюда приду через два месяца». Она действует по инстинкту — той древней, слепой, бездумной силе, которая не нуждается в разуме. Инстинкт говорит: «Спрячь. Где угодно. Как угодно. Не важно. Просто спрячь».

Зимой она **ищет**. Обнюхивает землю. Разрывает снег. Тычется носом в каждую ямку. И часто находит не то, что спрятала сама, а то, что спрятала другая белка. Или вообще не находит. Или находит, но не всё.

Она не создает запас в нашем смысле. Она **разбрасывает** орехи. А потом **ищет**. Как любое животное ищет еду — по запаху, по случайности, по методу проб и ошибок. Разница только в том, что орехи уже собраны — не надо лазить по деревьям. Но поиск — остался. Никуда не делся.

Белка не удовлетворяет потребность **из запаса**. Она удовлетворяет потребность **через поиск**. Просто поиск другой — не надо лазить, надо порыть снег. Но поиск есть. А значит, культурного ограничения «при употреблении не должно искать» — нет. Белка ищет. Всегда ищет. Даже когда она сама их прятала.

О пчелах и меде. Или о том, как производство без рефлекс Эти есть просто работа машины.

Пчелы делают мед. Много меда. На зиму. Выглядит как производство и запасание. Пчелы — эти маленькие, трудолюбивые, организованные создания — кажутся образцом экономического поведения.

Но что на самом деле?

Пчелы не решают: «Давайте сделаем запас, чтобы зимой не искать». У них нет собраний, нет планов, нет обсуждений. Они следуют программе. Инстинкту. Рою. Каждая пчела делает то, что записано в ее крошечном мозгу за миллионы лет эволюции.

Если улей переполнен медом — пчелы не думают: «О, у нас избыток, можно расслабиться, сократить производство, уйти в отпуск». Они продолжают делать мед. Не могут иначе. Инстинкт сильнее любой рациональности. Когда меда слишком много, только тогда его поедают трутни.

И главное — пчелы не задают себе вопрос: **«Что я сделал, что у меня есть мед?»** Они не рефлексируют. Они не осознают. У них нет того внутреннего диалога, который отличает человека. У них нет культурного ограничения. Нет культурного условия. Нет культурной потребности.

Есть инстинкт. А инстинкт — это не культура. Это биология, принявшая хитрую форму.

О хомяке и его щеках. Или о том, как количество переходит в смерть, а не в культуру.

Хомяк набивает щеки зерном. Тащит в нору. Складывает. Количество зерна может быть огромным — в несколько раз больше, чем нужно для выживания.

Зачем? Инстинкт. Программа, записанная в генах: «Набивай щеки, пока есть возможность. Не останавливайся. Никогда не останавливайся».

Хомяк не думает: «Сколько мне нужно на зиму? Какой

размер запаса будет достаточным? Не пора ли остановиться?» Он не рассчитывает. Он не оставляет «недоупотребленного» сознательно. Он просто следует команде.

И зимой он не «употребляет запас». Он просыпается, ест, опять засыпает. Нет выбора. Нет решения. Нет культуры.

Если положить перед хомяком бесконечное количество зерна — без остановки, без конца, — он будет набивать щеки до тех пор, пока не лопнет. Буквально. Потому что инстинкт не знает слова «хватит». Он не знает слова «достаточно». Он не знает слова «стоп».

А культурный человек знает. Потому что он задает себе вопрос: «А достаточно ли? А не слишком ли много? А не лучше ли оставить для других? А не наступит ли момент, когда запас перестает быть запасом и становится обузой?»

Главное различие. О том, где проходит граница между животным и человеком.

Вот оно. Вот где проходит граница. Не между хвостом и отсутствием хвоста, не между шерстью и кожей, не между четырьмя лапами и двумя ногами. А между инстинктом и осознанным решением.

Животное: инстинкт. Программа. Генетическая инструкция. Белка не может не прятать. Пчела не может не делать мед. Хомяк не может не набивать щеки. У них нет выбора. Они — рабы своей природы.

Человек: осознанное решение. Он может не делать запас. Может сделать. Может сделать маленький. Может сде-

лать большой. Может поделиться. Может оставить для других. Может съесть всё сегодня и умереть завтра — это его право. У человека есть выбор. Потому что у человека есть **рефлексия**. Он задает себе вопрос: «Что я сделал, что не искал?» И находит ответ: «Я оставил недоупотребленное». И на основе этого ответа принимает решение. Осознанно. А не по команде из генов.

Четыре отличия. Или о том, как отличить культурный запас от животного «запаса».

Перечислю их — кратко, четко, как пункты приговора.

Первое. Животное ищет даже то, что спрятало. Белка роет снег. Пчела не летает только потому, что холодно, а не потому, что запас есть. Хомяк просыпается и ест, не зная, сколько осталось. Поиск никуда не делся. Он просто отложен на зиму. Человек же, когда создал запас, **не ищет**. Он открывает холодильник. Достает. Ест. Поиска нет. Потому что запас — дома. Не в лесу, не под снегом, не в чужой норе.

Второе. Животное не осознает связь между оставлением и будущим удовлетворением. Белка не думает: «Я оставляю орех, чтобы зимой не искать». Она просто прячет. Инстинкт. Человек же **осознает**. Он знает: если я оставлю часть сегодня, завтра мне не придется искать. Эта связь — не инстинкт, а знание. А знание — есть культура.

Третье. Животное **не может** нарушить инстинкт. Белка не может сказать: «А не буду-ка я сегодня прятать. Отдохну. Посмотрю телевизор». Не может. Инстинкт сильнее. Че-

ловек **может** нарушить культурное условие. Может съесть всё сегодня. Может потратить всё сейчас. Может не сделать запас. И часто нарушает. Но в этом — его свобода. И его ответственность. И его трагедия.

Четвертое. Животное **не передает** культуру запасаения. Белка, конечно, чему-то учит бельчат — но не культурно, а через подражание. И бельчонок, выросший в неволе, в клетке, без всякого обучения, будет прятать орехи, если они у него появятся. Потому что инстинкт. Человек же передает культурную потребность через воспитание. Через рассказы. Через пример. Ребенок, выросший в семье, где не делают запасов, сам не будет их делать. И наоборот.

Так что да: запасаение животных — это подсказка, что запасы вообще возможны. Что природа не враждебна самой себе — она позволяет сохранять. Что вещи могут лежать, не портясь. Подсказка — но не инструкция. Пример — но не урок. И человек, который сумел прочесть эту подсказку, не услышав ни слова, — тот и стал человеком экономическим. А белка осталась белкой.

Вот определение.

Запасом называется вещь, сохраняющая свои полезные свойства после изъятия из места ее происхождения — сорвать с ветки, выкопать из земли, выловить из воды, снять с куста.

Вот и всё. Если вещь можно изъять, и она сохранит свои свойства — она запас. Если нельзя — она не запас. Нечего

с ней делать.

Глава 2. Основная экономическая задача

Экономический человек — не тот максимизатор полезности, которого выдумали профессора, не тот рациональный агент, который всегда знает, чего хочет, и никогда не ошибается. Нет. Всё это — выдумки, фантомы, пустые абстракции.

Экономический человек — это культурный человек, имеющий потребность делать запасы.

Культурный — значит, усвоивший ограничение «при употреблении не должно искать». Имеющий потребность — значит, делающий это не по принуждению, не по расчету, а по внутреннему, органическому, неистребимому желанию. Делать запасы — значит, оставлять недоупотребленное, не доедать, не дотрачивать, не дожигать сегодня, чтобы иметь завтра.

Это означает — и здесь мы подходим к самому важному следствию, — что экономический человек **удовлетворяет свои потребности запасами и только запасами**. Не поиском. Не случайной удачей. Не надеждой на то, что завтра повезет. А именно запасами. Тем, что уже есть. Тем, что отложено. Тем, что ждало своего часа.

Следовательно — и это «следовательно» есть железная логика, от которой не уйти, — **наличие запасов является**

достаточным условием, чтобы удовлетворять потребности культурными способами .

Запасы есть — культурное удовлетворение возможно. Запасов нет — культурное удовлетворение невозможно. Никаких ухищрений. Никаких компромиссов. Никаких «если очень постараться». Запас — это ключ. Ключа нет — дверь не откроется.

Отсюда

основная экономическая задача – создание запасов, достаточных для культурного удовлетворения потребностей.

Не для любого удовлетворения. Не для животного, которое и так найдет, не для хищника, который отнимет. А именно для **культурного** — то есть такого, при котором в момент потребления нет поиска.

И не любых по объему запасов. А **достаточных** — то есть таких, которых хватит до момента создания новых запасов. Не больше, не меньше, а ровно столько, чтобы не выпасть из культурного состояния в животное.

О том, что происходит, если запасов недостаточно. Или о причине экономического упадка.

А теперь — неизбежное следствие. Горькое, но неизбежное.

Если запасов недостаточно для культурного удовлетворения потребностей, то потребности удовлетворяются бескультурно, внеэкономическими способами.

Что это значит? А вот что.

Если нет запаса, человек начинает **искать**. Ибо искать — единственное, что остается. А поиск, как мы помним, есть животное состояние, состояние естественной потребности, где «найди или умри».

Если нет запаса, человек начинает **отнимать** у другого. Ибо отнять легче, чем найти, но отнятие — не экономика, а война.

Если нет запаса, человек начинает **побираться** — надеяться на милость того, у кого запас есть. А побирание — не экономика, а унижение.

Если нет запаса, человек начинает **торговать собой** — продавать время, тело, достоинство. А торговля собой — не экономика, а рабство.

Все эти способы — бескультурные. Внеэкономические. Они не создают запаса. Они только перераспределяют чужое или прожигают последнее.

В этом причина экономического упадка. Не в недостатке труда. Не в плохих управленцах. Не в кознях внешних врагов. А в одном: **не выполняется культурное условие.**

Культурное условие — помните? — употреблять часть найденного.

Если это условие не выполняется — если люди доедают всё, тратят всё, производят ровно под заказ, — запас не создается. А без запаса нет культурного удовлетворения. А без культурного удовлетворения нет экономики. Есть поиск. От-

нятие. Побираание. Рабство. И смерть.

Вот вам и весь упадок. Не тайна. Не рок. Не проклятие богов. А простое, грубое, человеческое нарушение культурного условия. То самое, которое бабушка называет «жить одним днем». И она права. Как всегда права.

О случайном отклонении. Или о том, как малый сбой ведет к великому падению.

Всякое нарушение культурного условия начинается с малого. С того самого «случайного отклонения», когда человек доел всё сегодня — потому что был очень голоден, потому что устал, потому что показалось, что завтра всё равно будет. Не злой умысел. Не порок. А просто слабость. Усталость. Мгновение, в которое инстинкт победил культуру.

Но это случайное отклонение — как трещина в плотине. Сначала вода сочится по капле. Потом — прорывает.

О привычном отклонении. Или о том, как рождаются суррогаты.

Следующий этап — **привычное отклонение**. Когда нарушение культурного условия становится не исключением, а правилом. Когда человек уже не может не доедать, не тратить всё, не жить одним днем. Но — и здесь самое интересное — потребность выполнить культурное условие остается. Она никуда не делась. Она мучает, жжет, напоминает о себе. Человек хочет иметь запас, но не может его создать. Не умеет. Не привык. Не научен.

И тогда — о, ирония судьбы! — он создает **суррогаты**

запасов. Эрзацы. Фантики. Обещания вместо вещей.
Таким современным суррогатом являются **деньги**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.